

Властелина Богатова
Украденное сердце

«Литнет»

2017

Богатова В.

Украденное сердце / В. Богатова — «Литнет», 2017

КНИГА ПЕРВАЯ Марибор — изгой, непризнанный родом отпрыск, покоров не одно женское сердце, пал перед робким, невинным созданием — травницей Зариславой. Желание обладать ей затмило желание мстить тем, кто когда-то безжалостно убил его мать. Сможет ли беззащитная девица согреть холодную кровь воина? Распутать нити злой судьбы, свитые вокруг него служителем Тёмных Богов? Ведь весь род княжича проклят волхвом до конца веков.

© Богатова В., 2017

© Литнет, 2017

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Гостя	7
Глава 2. Выбор	12
Глава 3. Вагнера	22
Глава 4. Доловск	29
Глава 5. Марибор	37
Глава 6. Подарок	46
Глава 7. Обещание	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Пролог

Пролог

Зимнее небо, набитое тяжёлыми облаками, сбрасывало скудную белую крупу на лес. Изредка попадали на лицо волхва снежные колючие хлопья, что жгли кожу, и всё его тело горело. Хотя кмети пока не спешили поджигать краду, он уже ощущал, как языки пламени лижут его стопы, как дымится одежда и кожа расплзается от огня, а кровь в венах вскипает.

Женщина, что была привязана к столбу рядом с ним, держалась до последнего, но теперь, в предчувствии страшного, всё же заплакала, а ведь сильнее колдуньи он и не знал в своём крае. Волхв не нашёл никаких слов, чтобы сказать ей в утешение.

Сложив ветви и напихав между ними соломы, один из княжеских кметей подступил к краде. Молодой. Каштановые волосы выбились из-под меховой шапки, карие глаза его на бледном лице выделялись ярко, и волхв не мог не заметить его беспокойства. Старец сжал кулаки, подёргался, но куда там - крепкие путы не только пошевелиться не позволили, но дышать толком не давали.

Кметь снял с пояса бурдюк, подступил к женщине и, поднеся дурманной воды или, быть может, яда к устам, влил ей в рот. Колдунья попыталась вырваться - не вышло, только закашлялась.

Воин шагнул к волхву, но тот тут же отвернулся. Юноша не решился насильно вливать ему в горло питьё.

Управившись, княжеские кмети, одетые как простые люди, в кожаных да шерстяных штаны, столпились подле осуждённых. Колдунья позади столба затихла, видно, травы начали действовать.

- Не страшен ли вам гнев мой, что затеваете такую расправу? - спросил волхв.

Он знал, что Княгиня замышляла что-то против него, но не мог предположить, что ревность может довести до подобного безумства. Воины ворвались в его избу, без лишних слов скрутив его и колдунью, увезли глубоко в лес. Волхв предчувствовал беду, ведь Мара дышала ему чуть ли не в затылок, а он отмахивался, пренебрегая её присутствием. А теперь поквитался за свою небрежность. Он слишком был занят обучением мальчишки, и последние его достижения завладели всем разумом старца. Ослеплённый своим замыслом вырастить из чада сильного колдуна, он отвергал надвигающуюся опасность. Вот и мать мальчишки пострадала. Волхв готов был расшибить себе лоб в благодарности Богам, что ученик всё же успел сбежать.

Вспомнив об отроке, старец верно ощутил его присутствие. Он внимательно с высоты крады обвёл настороженным взором обледенелый серый лес. Только бы они его не поймали, а мальчишке хватило бы ума бежать от стен Волдара как можно дальше да найти себе другого наставника. И сейчас, глядя в глаза смерти, очень жалел, что не завещал раньше ему об этом.

Кмети молчали, и волхв чувствовал их страх. Он не стал тратить на них свою силу, копил её. И когда один из воинов с факелом в руках шагнул к костру, старец, вобрав в себя морозный воздух, закаменел.

Быстро занялось пламя, полился в небо дым. Кмети отступили, окружив краду. Некоторое время волхв слушал, как воеет пламя, как жар поднимается из сердцевины костра, а огонь подбирается к стопам. Воины отшатнулись, когда старец глянул на них страшным и острым, как лезвие ножа, взглядом. Уста его разомкнулись, и волхв заговорил чужим, тяжёлым и мощным, как гром, голосом.

- Гнев Богов не минует того, кто затеял это бесчинство! Страшное проклятие падёт на тех, кто совершил суд над невинными душами. Род их угаснет, как солнце на закате дня. Ни

один родившийся ребёнок из чрева матери этого племени не останется живым. Мсть будет настигать одного за другим, пока нить не оборвётся, а мои кости не сотрутся в прах. Такова моя воля от начала сотворения мира и до грядущих лет! Больше ни одна душа преступников не найдёт силы зародиться в яви вновь. Огненные ветра навечно развеют по миру прах ушедших из жизни предателей, кои посмели сотворить казнь над служителем Богини Мары и Чернобога. Власть моя велика, и я найду тропы, чтобы выйти из Нави и покарать убийц! - выплюнул волхв слова проклятия, как яд.

Больше невмочь было терпеть жар огня и разъедающий глаза и горло дым, седая голова его бессильно повисла на грудь, и сам он обмяк, испустив дух ещё до того, как пламя с остервенением поглотило тело.

Глава 1. Гостья

Глава 1. Гостья

- Она травит его!! - вскрикнула княжна, стиснув в кулаке подол платья из богатой ткани. Княжна Радмила из города Доловска, великого княжества на западе от реки Тавры - так представилась молоденькая девица, когда ступила на порог волхвы Ветрии Болиславовны.

Волхва покачала седой головой, внимательно выслушав Радмилу, спросила:

- Так травит или привораживает?

- Я не знаю, но Данияр умирает. Он чахнет с каждым днём, встаёт с постели всё реже. Вагнара поит его чем-то... зельем-отравой, но никто будто не видит этого, - княжна всхлинула. - И ко мне холоден... Словно я не невеста ему. У нас же обручение назначено было в срок посева, а теперь... - Радмила замолкла, слёзы задушили её, но, совладав с нахлынувшими чувствами, она сорвала с запястья массивное обручье и вручила волхве, продолжила: - Вот, это его. Он дал мне в знак верности. А теперь и не узнаю Данияра... изменился, другим стал, не таким как когда мы... - Радмила запнулась, скосила заплаканные глаза в сторону очага.

Зарислава поспешно отвернулась. Дёрнула верёвку мешочка, который, заслушавшись, так и держала, запустила в него руку, взяла щепотку трав и бросила в бурлящий чугунок.

Сухие соцветия мяты и ромашки сразу окрасили воду в золотистый оттенок. Запахло терпким сбором, наполняя избу душистым ароматом.

Вести с северных земель в глушь озёрную не доходят. Да и путники наведываются редко в места заболоченные. И впервые за много лет в Ялынь княжеская знать забрела, вызвав среди деревенских переполох. Из Доловска... Зарислава пожала плечами. И не слышала о городе таком. Ходили лишь кривотолки о княжествах дальних - будто воюют северяне люто не только со степняками-варварами, а и друг с другом соперничают князья.

«Вот, наверное, и бегут с тех мест духи лесные и речные в топи да болота. Нынче им там не жизнь, а мука. В такую даль приехала Радмила. Разве в землях их нет целителей-ведунов?»

Зарислава взглянула в низкое прорубленное оконце.

Ослепительно сверкают шишаки на буйных головах воинов, переливаются кольчуги в лучах - томятся кмети в ожидании хозяйки на жаре полуденной. Поначалу напугали пришлые. Каждый при оружии, с мечом длиной в два локтя да с луком за плечом.

Деревенские вмиг кто топоры похватал, кто колья, а толку-то? Супротив воинов умелых да стрелы меткой - игрушки ребячьи. «А и правда, сколько же Радмила вёрст преодолела, чтобы в Ялынь попасть, представить сложно», - даже и жалко стало её.

Пока Ветрия разглядывала обручье княжны, сжимая его между ладонями, Зарислава продолжая хлопотать у очага, краем глаза наблюдала за Радмилой. И успела отметить, что глаза молодой девицы серые, что лужи на земле, густые гречишного цвета волосы, похожие на гриву у кобылы, стянуты в косу тугую, спадающую к бедру. Пригожа была Радмила - невеста видная, грудь пышная, талия узкая, бёдра широки - только и рожать богатырей-наследников. Впервые видела Зарислава столь богатое убранство: ткани красоты невиданной в стебельках да травинках, ну точно как живые, что на лугу нынче стелются. На висках подвески из латуни, на груди тяжёлая гривна из россыпи серебряных дисков.

Зарислава ненароком глянула на волхву. Ветрия рядом с княжной казалась ещё более статной. Волосы её, словно инеем тронутые, пышно спадали на спину. Прямая посадка головы, длинная шея, плечи узкие, пальцы тонкие. И взгляд оставался молодым - сиял лазурью. Только Зариславе было ведомо, что силу Ветрия с земли-матушки берёт.

- Кто же свадьбу играет весной, разве нельзя дожидаться сбора урожая? Не ко времени ты собралась под венец, вот и тёмные силы потянулись, накликала ты их, теперь мешают, беду сулят, - забубнила волхва, задумчиво глядя на богатое украшение.

Радмила же от слов старухи стала бела, как снег.

- Я и так долго ждала.

- Кто она? Та, кто отраву княжичу подсыпает, - вдруг спросила матушка у княжны.

- Вагнара, внебрачная дочь Всеволода, князя сарьярского острога.

Ветрия нахмурилась, вопросительно поглядела на пришлую, та поторопилась разъяснить:

- Сарьярское княжество не так славится, нежели Волдарская твердыня, где правит ныне князь Горислав, отец Данияра. Но вес свой имеет, потому как на границе стоит острог, от степи оберегает, врагов в земли не пускает.

- А с чего бы ей княжича травить?

- Не ведаю, матушка, не спрашивай даже. Не знаю. Я пыталась гнать её, как увидела в хоромах Данияра, а она мне только в лицо посмеялась... Не справиться мне с ней одной.

- А что князь Горислав, отец Данияра, чем занят?

- Так князь раненный, - ответила Радмила и, видя недоумение в глазах Ветрии, продолжила: - Стрела отравленная подорвала здоровье его и дух. Умирает он. Целители больше не в силах помочь ему. Вот и венчание отложилось по этой самой беде... - Радмила затихла, сглотнула, продолжая умоляюще смотреть на волхву.

Ветрия вытянулась, переглянулась с Зариславой. Весть страшная. Жили они далеко, да наслышаны об угрозе лихой. Выходит, если Горислава не станет, то тяжело будет народам жить. А если и наследник недужит, так это беда грозит всем людям, кои живут под крылом его. Выходит, и ялыньским беда грозит?

- Об этом я не слыхивала, не ведаю... - промолвила волхва, обращаясь к гостье. - Чем же так князь перед Богами провинился, что они разгневались на него? Отец при смерти, сын недужит. Никак Лихо[1] в княжестве поселился? Али проклятие?

- Как появилась Вагнара, Данияр стал отказываться от меня... - с отчаянием заключила Радмила, твердя всё о своём, не понимая, о чём спрашивает её Ветрия. - А ведь наш союз только укрепил бы княжества...

На лице волхвы впервые за всю недолгую беседу появилось удивление, что для Зариславы было в диковину.

- Вот как... - выдохнула она, отдавая назад обручье. - Одно могу сказать, коли женщина-чужачка рядом с суженым твоим, стало быть, голуба, похоже на колдовство сие деяние. Оморочили любого твоего, и девка эта сильная, правда, о силе своей не знает.

Остерегаться тебе надобно не её, а того, кто за ней стоит.

- Конечно! Я о том и говорю! Она это всё! - воскликнула Радмила так, что Зарислава вздрогнула. - Путь проделала большой ради него, - вскинула она подбородок, но быстро опомнилась, успокоилась: поди да погонит хозяйка гостью спесивую за порог. - Матушка-волхва, помоги. Выручи. Богами прошу. Матерью Сва[2] заклинаю. Только на тебя надежда, в нашем-то княжестве и нет кудесниц умелых. Одарю златом и серебром, сколько пожелаешь, спаси только суженого моего.

Зарислава мельком глянула на Ветрию, помешала ложкой деревянной отвар.

«Как молит... видно и правда любит, коли в такую даль поехала, сдюжила, не побоялась степняков этих».

- Не нужно мне твоё злато, княжна, - решила волхва. - Коли совесть есть, то о плате более не помышляй.

Радмила вновь поглядела на притихшую помощницу. Зарислава же, подцепив рушником чугунок с огня, поставила на стол, ловко слила отвар в плошку, но тут пальцы соскользнули,

и обжигающий вар пролился на руку. Травница вскрикнула, отдернула руку, прижала пальцы к губам, сиюсь унять жгучую боль.

- Дочка, да как же ты так? - всплеснула руками Ветрия. - А ну-ка, дай-ка, - волхва взяла руку её, погладила, зашептала слова.

Боль тут же утихла, а проступившая было краснота начала спадать.

Зарислава виновато поглядела на матушку, но та и не рассердилась нисколько, наоборот, растревожилась. Ветрия всегда заботилась о ней так, как будто та ей родная, и, хотя Зариславе уже двадцать четвёртая весна близилась, а до сих пор волхва нянчилась с ней, как с деткой малой. Своих детей у неё не было: не положено жрице, начертано Богами народу служить и земле славянской.

Мать свою настоящую Зарислава не ведала. Волхва забрала её трёхлетнюю из семьи земледельцев. Говорила, что отроков у них и так много было - восемь ртов своих и чужих без счёту. Волхва забрела к ним случайно, на ночлег. За кров она заговорила избу от злых людей и огня, извела хвори у малых детушек, а между делом заприметила златовласую девчушку. И так ей она приглянулась, что и забрала дитя к себе. На то время у будущей травницы и имени-то не было, волхва сразу, как увидела, нарекла её Зариславой.

Громкий кашель заставил повернуться к позабытой гостье.

- Матушка-волхва, так что? Поможешь? - растеряннo хлопнула светлыми с рыжиной ресницами Доловская княжна.

Ветрия не спешила выдавать своего решения, задумчиво глядела на пришлую. И Зарислава чувствовала, что корбило что-то душу матушки.

- Тянуть нельзя никак. Прошу, помощи, не к кому мне более обращаться, да каких Богов молить, не знаю.

- Мать-Славунью моли за судьбу суженого своего, и за свою тоже, - отозвалась волхва. - Подсоблю. Но мне поразмыслить надобно. Ступай, на дворе обожди.

Радмила перечить не посмела, кивнула:

- Хорошо, как скажешь, матушка.

Опустив смиренно глаза, скрывая радость, Радмила поднялась с лавки и пошла неспешно к выходу, плавно и величаво так, что Зарислава зачаровалась походкой её. Не то, что девки местные, юркие, бойкие, хозяйственные. Те ходят так плавно лишь иногда, когда коромысло с водой носят с реки или же хороводы водят, там уж не поспешишь.

Как только она покинула порог, Ветрия повернулась к Зариславе.

- Ну, что делать будем, дочка? - лазоревые глаза полнились глубоким беспокойством. - Мне в такую даль тяжело отправляться. А он... как его там... княжича этого?

- Данияр... - помогла Зарислава.

- На него бы глянуть надо, да и понять, что подливает ему девка эта... как её...

- Вагнара...

Ветрия устало вздохнула, выпустила из-под своего взора Зариславу, присела на лавку, задумалась.

Подхватив плошку, Зарислава протянула целебного настоя матушке. Волхва приняла его, сдула пар, неторопливо выпила. Зарислава ласково обняла за плечи матушку.

«Верно говорит волхва, в такую даль тяжело ей будет».

- Не езжай, матушка, как я тут одна да без тебя... - осторожно сказала она. - Ты здесь нужна, людям нашим.

Ветрия подняла глаза.

- Коли просят помощи, а я отказываю - это суд на мою душу. Боги дали мне силу, благословили даром, и если не помогу, назначения земного своего мне не выполнить.

- Тогда я с тобой поеду, - решила Зарислава, а у самой душа тоской зашлась: не хотелось покидать деревню.

Ветрия на это промолчала, медленно сделала ещё один глоток, предаваясь думам глубоким.

- Радмила как княжича любит, приехала в такую даль за помощью... - прервала молчание Зарислава.

- Да, любит... - голос матушки глубокий наполнился грустью. - А ты? - поглядела на Зариславу волхва так, что травница растерялась. - Знаешь ли ты, что это такое, когда любовь в сердце?

Зарислава смутилась. Целительницы от дара своего могли отказаться ради любви к мужчине. Их ей было не понять. Как можно от своей силы отречься, от свободы?

Сейчас многие жизни и судьбы в руках Зариславы, а с замужеством только судьба её детей и мужа волновать станет, вынуждена будет подчиняться чужой воле. И как только Зарислава мыслила об этом, представляла, как обручье чужое наденет на запястье своё, то оковами то казалось, неволей. Сердце щемило, когда думала о том, что волосы свои платом подвяжет, да делами хозяйскими займётся. Нет, путь её был другой, и в душе давно зародилось что-то большее - сильное, волнующее, что ей так хотелось поскорее познать. Зариславе желалось летать, взмывать свободной птицей наравне с ветром Стрибогом и слышать шёпот духов, пение трав, чувствовать в себе силу Богов. Это то, чего требовала её душа, естество, сердце. Одно поняла она - обряд исполнит. Как и волхва Ветрия, даст клятву Богине и станет служить людям. Она сделала бы это ещё два лета назад, но матушка не позволила, заставила обдумать решение это ещё. Но она уже решила - дар свой не променяет на повой. Какой ей резон в том, что без согласия мужа не сможет и шага ступить, и глаз поднять? Что получит взамен?

Уже завтра Купальская ночь. Зарислава подсчитала - семь раз минула осень с того времени, как впервые надела она купальскую рубаху и вместе с подругами на игрища пошла к реке: хороводы водить, через костры прыгать. Тогда она впервые увидела, какое пламя горит между молодыми, как любовь полыхает во взглядах их, что от страсти этой дрожь пробивает тех, пробуждая что-то неведанное для неё, ещё никогда не познанное, заполняет целиком и пусть не окрыляет, но пробуждает такой поток силы, что порой немеет в животе и дыхание сбивается.

Это чувство полноты и стало камнем преткновения. Вынуждало иногда сомневаться в выборе своём, а потом ко всем стенаниям появился ещё и Дивий...

- Верно, стара я для дальнего пути, а посему вот что мыслю, - выдернула Ветрия из мыслей Зариславу. - Поезжай-ка ты, дочка, вместо меня.

Травница так и остолбенела, рот раскрыв, язык задеревенел, что даже слово вымолвить не смогла.

- Как? Нет, не могу, - залепетала она, слова волхвы небылицей казались.

Не шутит ли матушка? Но нет, смотрит твёрдо, испытывая молчанием.

- Можешь, - твёрдо заключила матушка. - Ты быстрее меня справишься и исцелишь княжича, в твоих золотых руках трава луговая живёт долго.

Зарислава смотрела на матушку и осмысливала сказанное. Никогда она не покидала места здешние дальше озера.

Ветрия, видя на лице девицы растерянность, попросила:

- Поезжай, пожалей меня, старую.

Внутри так и забурили разные чувства: страшно сделалось, и вместе с тем не могла отказать волхве. С ней та была всегда добра и сердечна. Зарислава, выдержав долгий взгляд матушки, ответила поникшим голосом:

- Хорошо. Только, ради тебя.

Ветрия ласково погладила её по волосам, улыбнулась.

- Вот и славно. Завтра в ночь соберёшь травы. Видно Боги жалеют дурёху, раз послали её в самый срок сбора. А там, в княжестве, ты ни во что нос не суй. Пусть Радмила за всё чаёт, а ты только травы готовь.

- Хорошо, - Зарислава поёрзала на лавке, самое время сказать важное.

- Просьба у меня есть к тебе, - осторожно начала травница, робко посмотрев на волхву. Та глядела снисходительно, уже знала, о чём собирается просить её.

- Как вернусь, проведёшь обряд для меня, чтобы жрицей мне стать скорее?

- Тебе бы терпению научиться, детка моя, - выдохнула устало Ветрия, верно сил спорить у неё не осталось. Она поглядела долгим взглядом на Зариславу, которая смиренно молчала. Наконец, поставила опустевшую плошку и ответила:

- Хорошо. Воля твоя. Если не передумаешь к тому времени принять новую жизнь отшельническую, проведу. Горюшко моё, чадушко. Ладно, пойду, упрежу княжну, чтобы возвращалась обратно восвояси и тебя ожидала в княжестве своём. Нечего ей тут людей пугать, - Ветрия поднялась и направилась к двери.

Зарислава, сопроводив её задумчивом взглядом, ответила самой себе:

- Чем быстрее пройду обряд, тем лучше. Тогда уже и терзаниям не будет места.

[1]

Лихо - в мифологии славян воплощение недоли и горя.

[2]

Мать-Сва-Слава - прародительница всех славян.

Глава 2. Выбор

Глава 2. Выбор

На лес опускался туман вместе с дымом от костров, что жгут нынче яльинские, мягко окутывал стволы деревьев, плотным покрывалом стелился по густой траве. Сквозь плотный занавес виднелась оранжевая полоска закатного солнца. В кронах тренькала птица, и её щебет разносился по всей округе, отдавался эхом. Запах древесной смолы вместе с дымом обволакивал и прояснял мысли.

Зариславе не хотелось нарушать единение с живой силой, но нужно поспешить, впервые за долгое время. Склонившись, положила на краду жертвенный кулич. Всполохи огня мягко окутали подношение. Воздев руки к деревянному изваянию Богини Славуньи, Зарислава проговорила с придыханием:

- Благослови, Матушка Слава, на ночь грядущую. Дай мне силы и волю, помоги собрать травы целебные на дело правое. Во славу и на жизнь рода русов.

Зарислава прислушалась. Внутри невольно разлилось предвкушение чего-то волнующего, предвещающая скорые перемены. Оно и понятно, сегодня покинет деревню. Она отступила к воротам, покинула небольшое капище, расположенное прямо на задворках избы волхвы, там, где начинался лес.

Ещё вчера у избы томились от жары княжеские кмети. Вчера и покинула княжна Радмила Яльинь, оставив двоих воинов, что нынче ночевали у старосты Прозора. Этой ночью Зарислава покинет деревню, отправится с ними в путь до Доловского княжества. Никогда она не бывала в твердынях, да так далеко. Пришлые сказывали, что тын крепости может доходить в высоту молодой осины, терема и дворы обширные, и легко в них заблудиться даже белым днём, коли не знаешь дороги. Волнение охватывало Зариславу всё больше.

Оказавшись внутри избы, она обвела взглядом тонушую в желтоватом свете крупной лучины горницу. У входа печка невысокая, белёная мелом. Полати меж брусьями и глиняной стенкой очага завешены шкурами. Лавки вдоль стен, стол. Веретено волхвы в углу под полкой-божницей с малыми чурами. Зимними вечерами и сама Зарислава любила садиться за него да нить свивать. Сундук рядом, свежие травы, связанные пучками, висели на стене. Ветрии Болиславовны не оказалось в избе. Знать отправилась в деревню гадать.

Жили они с волхвой-матушкой скромно. Ветрия принимала за богатство только веданье, а всё остальное само богиней Славуньей давалось: и еда, и кров, и тепло. Волхва говорила, что самое главное для неё - земля-матушка: дыхание деревьев, трав и цветов.

Вспомнив, что скоро погаснет окоём, Зарислава заспешила. Выбрав из связки на поясе яблоневый гребень с редкими зубцами, она быстро сняла его с кожаного ремешка и принялась расчёсывать волосы, которые при свете светоча стали как мёд, тёмно-золотистые. Зарислава редко заплетала их в косы, волосы её длинные, всегда просты, до бёдер спадали. Многих женихов она зачаровала ими.

Бывает, иной раз пытаются сговориться с матушкой из соседних деревень, чтобы отдала девку под венец. Всем же хочется иметь в жёны не просто девицу пригожую, верную да хозяйственную, но и травницу-умелицу, коя может с духами наравне беседы вести. От того и задаток предлагали немалый за невесту. Всех гнала волхва от своего порога. А вскоре надоедало свататься оным, отступали, других, более покладистых душек находили.

Правда, один всё ещё бился за сердце Зариславы, упрямый Дивий, сын пахаря, что так и бередила душу девице.

Зарислава вобрала в себя воздух, пропитанный запахом Дивия - терпким, отдающим дубовой корой. Уже столько времени прошло, как покинул он избу, а аромат его по сей миг стоит.

«Безумец, умудрился в избу зайти», - хмыкнула Зарислава, но, случайно дёрнув волосы, скривилась.

Волхва метлой его спровадила восвояси. Так и ушёл обруганный и побитый. А Ветрия растревожилась да знай только ругать Зариславу, что приходится ей отваживать жениха. Дивий приглянулся матушке, этого она не скрывала и уж как ни уговаривала девицу подумать да приглядеться к жениху, а всё об стенку горох.

«Всё уже решено», - отвечала Зарислава.

Была бы у неё иная жизнь, пошла бы, не раздумывая, за Дивия.

«Вот же горе-судьба, Боги подослали молодца...» - вновь посетовала девица.

Из-за него до сих пор жили сомнения в душе. Хоть и выбор свой сделала, да как виделась с Дивием, так сама не своя становилась, а сердце тяжелело, как та самая гривна, что переливалась серебром на груди княжны Радмилы.

«Сегодня же порву с ним, пусть не ждёт и не надеется на любовь ответную. Тогда отправлюсь к Радмиле с чистым сердцем, с лёгкой душой».

Вернув гребень на ремешок, Зарислава подошла к сундуку, откинула крышку и вытянула купальскую сорочку зелено-серого цвета, похожую на высушенную солнцем крапиву. Скинула платье из рогожи, надела мягкую рубаху. Подпоясываться в эту ночь не следовало, осталась так же босой, чтобы впитывать в себя целебную силу трав. Зарислава только туесок приготовила для трав и нож с острым лезвием. Нож, а то и булат нынче каждый держал при себе. Пусть места и спокойные - степняки не добирались, но всё одно боязно бродить в одиночку. А вот стебли резать лезвием нельзя, иначе травы силу свою потеряют. Рвать Зарислава будет только руками.

Собравшись, травница подошла к низкой полке, где стояли чуры, осенила себя перуницей[1], прикоснувшись вместе соединёнными указательным и средним пальцами ко лбу, плечам и груди, зашептала тихонько:

- Благослови, Славунья, на деяния справные во славу рода земного и небесного, во благо всего сущего, пусть твоя длань ныне укрывает меня. Прародительница народа нашего, уповаю на помощь твою и защиту от злых чар и духов. Пусть глаза мои видят путь верный, сердце слышит голос Правы[2], что ведёт к чистым истокам твоим. Помоги сделать выбор... - Зарислава запнулась, сознавая, что молит не о том, о чём нужно, однако Дивий волновал её, из головы не уходил. Продолжила: - Желаю всей душой обряд справить и от сердца благодарствую за дар, что вложила ты в душу мою... Это дороже мне всего на свете. И теперь испытываешь меня, укрепляешь дух мой и волю... - Зарислава перевела дыхание, замолкла, к себе прислушиваясь. И тут же поняла - вот он, ответ, в последних словах её кроется. Снова продолжила говорить: - Коли княжича я поставлю на ноги, смерть смогу запутать и прогнать, значит быть мне жрицей, а коли не смогу... пойду за Дивия.

Она ещё раз осенила себя перуницей и прошептала:

- Пусть всё решится. И будет так...

Из окна неожиданно шорох поднялся, а потом донёсся многоголосый шёпот. Зарислава вздрогнула, попятилась было назад, страхом охваченная, но тут же успокоилась. Внутри избы скользнул белый туман, сполз быстро по стене на пол, будто прозрачная кисея, опутал ноги Зариславы холодом и тут же рассеялся. Замолкли и голоса. Вместо них до слуха стал докатываться гул озёрных лягушек, стрекотание сверчков, всё стало как и прежде. Зарислава принялась - горницу наполнял сладкий запах цветущего малинника, росшего у стены избы, где вчера днём томились волдаровские кмети.

«Значит, дух Славуньи забрал обещание», - поняла Зарислава.

Травница заторопилась, подхватила туесок и, задув лучину, вышла за порог, под сень еловых деревьев. Постояла, привыкнув к темноте, вбирая в себя свежий воздух, пропитанный целебным запахом хвойной смолы.

Изба волхвы стояла на возвышенности, и Зариславе вся деревня была видна как на ладони. В срубах горели огни, поднимался от печных труб дым, заволакивая вечернее небо смогом. Облака нависали над горизонтом низко, затмевали багряно-золотистым полотном дали, и только ослепительный Ярило тонул в сизой мгле. Нынче он отдаст свои последние силы и погибнет, а вместо него народится новое солнце - Купало летний.

«Вот и приблизился последний день зелёной седмицы[3]».

Над деревней поднимался весёлый шум, и до слуха Зариславы начало докатываться девичье пение. А в тумане вдоль берега над зеркальной гладью реки вспыхивало всё больше костров. Знать обряд женитьбы Ярилы с землёй-матушкой произошёл. Вот покатилося по мосточку в реку просмолённое, пылающее огнём колесо, сорвалось в воду, потухло. Теперь так же покажется солнышко к холодной зиме. А впереди время перемен.

Зарислава пронаблюдала, как от кромки берега медленно отошли венки с огоньками, брошенные девицами. Нынче они встретят своих суженых. И она должна была пустить свой венок в эту ночь, и тогда уж наверняка стала бы невестой Дивия.

Притворив за собой скрипучую калитку, травница пошла по тёплой стёжке, спускаясь с возвышенности. От земли парило, но воздух был прохладен и свеж, обдувал разгорячённое лицо. Зарислава вдруг вспомнила о княжиче и о его недуге.

«Интересно, для чего нужно Вагнаре изводить Данияра Гориславовича?»

Может быть, княжич просто разлюбил невесту свою Радмилу, вот и отверг? А Радмила сделала виноватой Вагнару, мол, она его опаивает. Но если это всё же ворожба, то травы нужно сильные собрать. Зарислава нахмурилась. Что бы это ни было, жаль поруганную невесту. И со стороны княжича не по совести поступать так с ней.

«Назвался, будь честен - держи данное слово».

За раздумьями Зарислава не заметила, как спустилась к высокому частоколу избы старейшины Прозора. Не сразу увидела притаившихся под берёзой голубков.

Девушка, завидев приближающуюся Зариславу, уткнулась в грудь рослого юноши, но травница сразу угадала в ней Чарушу, дочку Прозора. Уж и не было тайной, что навевается к порогу старейшины Истома, сын мельника.

«Чего теперь прячется Чаруша, коли обнимается с возлюбленным прямо у дома?» - улыбнулась про себя травница.

Сжимая пустой туесок, она поспешила поскорее минуть их. Если бы увидел Прозор, плетью бы огрел и Истома, и дочь. Без стовора родичей нельзя прятаться по углам тёмным да миловаться. Таков обычай, кой строго соблюдается.

«Как любит Чаруша суженого своего Истома, что не страшен гнев отцов».

Что и говорить, Истома молодец видный, к тому же сын мельника. Разговоры о нём ходили сумасбродные: и что у него невеста болотница, и что с водяным в дружбе. Одних девиц это отпугивало, других, напротив, притягивало. Но Чаруша была красивой девкой: коса толстая, глаза зелены, точно мох на деревьях. И других Истома невест не нужно, выбрал он её.

Выйдя за деревню, Зарислава пошла по тропке, что вилась меж берёз и спускалась прямо к реке. Тут-то травница и оказалась в окружении празднующих. Не остановилась и взгляда своего ни на ком не задержала, хотя и успела осмотреться лучше.

Здесь, в низине, темнело быстро, а костры горели ярче: летели в небо снопы искр, кружили девицы хороводы у воды, смеялись и веселились ялыньские. Нынче Зариславе не до игр. О девичьих забавах настало время забыть, коли скоро жрицей станет. Впрочем, её всегда волновали иные деяния, и больше любила одна проводить время...

Зарислава вышла к берегу. У самой кромки высились деревянные чуры. Под ними собралось много красавиц, которые уже спускались с обрыва, с визгом прыгали в рубашках в воду, плыли к середине. Юноши же ловили их, пытались утащить как можно дальше да сорвать с губ поцелуи, от чего стал слышен весёлый смех и всплески воды повсюду. В такой кутерьме никто не обращал внимания на травницу, никто не окликнул. И хорошо...

Зарислава поймала себя на том, что выискивает взглядом среди них Дивия. Но нет, не было его.

«Может, нашёл себе суженую?»

Холодом кольнула ревность, но Зарислава быстро одёрнула себя. Пускай любит, так он её скорее забудет, а ей легче обряд пройти.

Припустившись бегом, травница ринулась от реки вверх по дорожке на холм. Позади остался шум, который становился всё глуше. Всё дальше она уходила от кострищ, устремляясь к бескрайним луговым просторам, туда, где она бывала всё своё время в летние месяцы.

Зарислава вбежала в зелёное море трав, коих на лугу было неведомо много. В эту Купальскую ночь цветение буйное, ярое. Остановившись, она перевела дыхание и продолжила свой путь, но уже ступая медленно, не торопясь, собираясь с мыслями и духом. Травы щекотали и гладили голые лодыжки. Цветы так и просились сорвать их, сами клонились к Зариславе, тянулись к рукам. Голова травницы закружилась от запахов и силы огромной, мощной, сбивающей с ног. Ласково провела ладонями по верхушкам гладкого ковыля, привечая травки, соединяясь с их потоками жизни.

Здесь ещё тлел закат, и над лесом растянулась малиново-оранжевая полоска неба, Зарислава выхватывала взглядом опалённые багряным светом кучерявые кустарники жимолости и лещины. Чем глубже девица уходила в сердцевину луга, тем выше рос бурьян, разнотравье доставало теперь до самой груди. Разная росла здесь трава: зверобой, медуница, полынь, подмаренник, горицвет - все Зарислава и перечислить не мыслила. И как только закат погас, взору её открылся волнующий душу вид: в тумане все соцветия замерцали тысячами и тысячами огоньков, будто перед ней распростёрлось небо, только из разноцветных звёзд: белых, жёлтых, лиловых. Зарислава знала - чем ярче сияние, тем сильнее трава эта считается. Волхва их огневцами нарекла.

Сделав ещё один шаг, Зарислава остановилась, огляделась, вслушалась в окутывающую тишину, чувствуя прохладу воздуха на лице, а в ногах наоборот - пышущее тепло. Даже не верилось, что там, на берегу, было шумно, тут же царило благодатное молчание. Зарислава прикрыла глаза, сделала глубокий вдох, ощутив, как через ступни от земли поднялась по ногам к низу живота тугая волна силы. Мурашки побежали по рукам и плечам к самой макушке, травница едва удержала себя, чтобы не пуститься в пляс. Хотелось закружиться и засмеяться, но силу эту нужно было сберечь для другого деяния. Она открыла глаза, оглядывая сияющие водопады покачивающихся на ветру былин.

«Боги, как же красиво нынче нарядилась матушка-земля, как щедра она и приветлива, и ничего ей не нужно взамен».

Так бы и опустилась Зарислава, и целовала землю. Она легла на мягкую перину трав, прикрыв ресницы, позволяя вливаться потокам невиданной силы в тело, сердце, наполняющим душу нектаром, напитывающим соками, жизненной могучей волей. Подумала о том, что если излечит княжича, вернётся - где станет жить? Так же с волхвой в деревне? Или, быть может, в лес уйдёт, подальше к духам. Людей-то они боятся, а в чаще ей самой спокойней будет - там она как дома. А люди, коли нужна будет её помощь, будут приходить сами. Зарислава жала губы. Нет, Ветрию-матушку одну она не оставит.

Много ещё о чём думала она, лёжа на траве, но покоя в сердце не нашла. Всё же что-то было не так, что-то бредило душу, волновало. Вспомнила о холодном тумане и шёпоте. Правильно ли она истолковала ответ Богини? Нужно бы у матушки спросить. А ещё Зариславу

тревожило то, что Радмила не очень обрадовалась тому, что Зарислава поедет вместо волхвы. Пускай она на это дала согласие, но глаза княжны не обманывали, не по душе пришлось решение такое. А ведь с ней предстоит разговор вести, жить какое-то время поблизости.

Травница вздохнула. Всё это не очень ей нравилось. И успокаивала себя тем, что потом станет свободной. Но это если исцелит княжича...

Зарислава лежала до тех пор, пока небо окончательно не поглотила темень, а народившийся месяц и звёзды не стали ярче. Тогда она поднялась, огладив волосы и платье, неспешно пошла по своим зелёным угольям. Здесь она хозяйка. Теперь медлить нельзя, и нужно сорвать травы, пока роса садится. Травница быстро принялась рвать стебли и соцветия в туюсок. Пальцы её жгли огневицы, но Зарислава терпела, ловко складывая их на дно. И, когда набился полный короб, поклонилась в землю.

- Благодарю, матушка, за богатство, за силу. Ты уж прости, что потревожила, для благого деяния нужна мне сила твоя...

Постояв немного, Зарислава поспешила обратно. Снова пришлось идти через берег, который полнился народом - гулянье продлится до самой зари.

В низине у реки купалец уже прогорал, и через него парами прыгали молодые. Рядом выстроились другие пары: собираются для ручейка. Отовсюду лились чудные звуки свирели, от которых внутри Зариславы рождалась благодать. Впрочем, она не стала задерживаться, побежала, минуя избу Прозора. Возле берёзы Чаруши с Истомой уже не было, и Зарислава спокойно прошла мимо частокола, поднялась на взгорок.

Завиднелся в окошке огонёк. Знать Ветрия уже тоже управилась, пришла. Сердце травницы застучало часто, а от чего - и сама не ведала. Быть может, от того, что вскоре покинет родное становище и отправится в неведомые места? За тревогой Зарислава не заметила высокую тень возле калитки. Поздно схватилась за нож, но куда там, и сообразить толком не успела, как вдруг тень двинулась вперёд, и девичий стан обхватили сильные горячие руки. Сердце так и прыгнуло к горлу. Хотела уж было закричать, но услышала знакомый глубокий голос над ухом.

- Попалась, любя моя.

- Дивий, - выдохнула Зарислава, чувствуя, как ноги отнялись от испуга. - Зачем пугаешь так? - сказала чуть с раздражением, выпуская из ладони рукоять ножа.

Дивий поцеловал её в висок, обдавая жаром дыхания, Зарислава сжалась только сильнее от того, что ласки его были слишком приятны. Норовила поскорее высвободиться, поняла, что не выйдет. Молодец двадцати зим был силен, а руки, что держали плуг, твёрже камня.

- Пусти же, матушка увидит.

- Всё, что пожелаешь, моя драгоценная.

Как только разомкнул он кольцо рук, Зарислава отошла от него на два шага.

В свете тусклого света, что исходил из оконца, она различила каштановые кудри, что спадали ему на лоб, переливались бурными оттенками. Глаза тёмные, бездонные, смотрят неподвижно, затягивают в чёрную глубину. Дивий, как и все юноши нынче, облачён был в нарядную домотканую рубаху, подвязанную нитяным поясом, в портах и босой.

Юноша был трудолюбив, так же почитал землю, предков, приносил дары на капище Матери Сва. Вместе с отцом они пахали землю, сеяли хлеб для всей деревни. Нрав у него был спокойный, а ещё Дивий был очень терпелив, чем и подкупал. Любая на деревне желала стать его невестой... И девицы тихо завидовали Зариславе.

- И чего ты приходишь сюда? Мало тебе досталось от волхвы?

Улыбка сошла с лица молодца, глаза потускнели.

- Это не я пришёл, а душа моя. Все тропки ведут меня к тебе, Зарислава. Вижу тебя везде... и, когда закрываю глаза, ты встаёшь передо мной...

«Никак одурел совсем от любви своей?»

Зариславу пробрала дрожь. Когда Дивий говорил так, это её немислимо сковывало, и в тоже время хотелось слышать слова из его уст ещё и ещё - так они грели, волновали, кружили голову. А может ночь Купалова влияет так?

Травница прикусила губу. Сейчас самое время сказать ему, что отправляется в Доловск, но это значит, дать надежду...

- А не боишься, что заведу тебя на тропы Навьи? Так же и ум потерять можно.

- Я, любя моя, уже ничего не боюсь.

Зарислава улыбунулась и отвела взгляд. Задумчиво погладила ромашку, росшую у калитки.

«И что с ним делать?»

- Правду ли ты говоришь, что любишь меня? - спросила она, а сама так и не решилась взглянуть на Дивия.

- Видно нарочно ты спрашиваешь, Зарислава, чтобы ранить глубже? - ответил серьёзно сын пахаря.

Она быстро глянула на жениха. Глаза его тёмные обожгли досадой глубокой - верно и правда обиделся.

- Дивий, - облизала сухие губы Зарислава, - ты же знаешь, что травнице не положено за мужа идти, - сказала она, придавая своему голосу строгости.

А сама от волнения сильного стала крошить ромашку пальцами. Юноша поначалу молчал, а потом ступил вперёд.

- Что мне нужно сделать, чтобы ты изменила своё решение? Проси, чего хочешь - всё исполню. Хочешь соболей, золота белого или, быть может, терем сродни княжескому? Я поставлю, только пожелай...

- Ничего мне не нужно, - замотала головой травница, робея. - Ты хороший, очень, но тропка у меня иная... пойми же.

- Говоришь ты складно, но веришь ли своим словам?

Зарислава опустила ресницы. Поймал он её, как лисицу в сети.

- Люблю только землю-матушку и Славунью. Эта любовь духом живёт во мне, от земной отличается.

На Дивия будто туча нашла, взгляд его потемнел, и глаза стали что дно озёрное, мутные.

- Скажи мне, любя, а зачем приезжала княжна в наши земли?

- За снадобьями.

Дивий скользнул взглядом к берестяному туеску.

- Значит, для неё ходила травы рвать?

Зарислава кивнула, не стала утаивать, всё равно узнает рано или поздно.

Дивий хмыкнул, опустил взгляд в землю, задумался. Но будто нутром чуял, что замалчивает о чём-то возлюбленная его. Что же будет с ним, когда узнает о том, что ушла она?

«Забудет», - отрезала про себя травница.

- Не верю я тебе, - поднял он на неё хмурый взгляд. - Обманываешь, верёвки вьёшь из меня, как тебе пожелается, совсем не жалеешь, Зарислава.

Травница молчала. Чего пытается её? Чего добивается?

- Ну да Боги с ней, с княжной этой, - выдохнул он. - Сегодня такая ночь! Река песни поёт, костры бурлят, а кровь играет. Зарислава, - позвал Дивий и сделал шаг навстречу.

Девица растерянно огляделась, где-то за бурьяном внизу плясали огни от костров, небо всё гуще чернело, приближая самый разгар ночи.

Она опомнилась только тогда, когда Дивий оказался совсем рядом.

- Я стану жрицей и... свою силу... должна отдавать Богам и земле.

Вблизи Дивий был очень хорош, так бы и глядела на него, любуясь, но она отвела глаза, потому что жених смотрел на неё сейчас так, как смотрел Истома на Чарушу.

- Я всё думаю о тебе... - повторил он как заклинание. - Ты очень красива. Когда смотрю на зарю, вижу тебя в ней, волосы твои что лучи солнца, золотистые, - он погладил по волне прядей. - А глаза напоминают озёра наши... Стан твой тонок и гибок, как ива. А голос... слаще сурьи.

Зарислава глянула на него и вздрогнула, Дивий склонился так близко, что травницу окатило жаром, исходящим от его тела, будто от костра.

- Неужели я тебе ничуть не нравлюсь? - глаза Дивия затянулись туманом, и в них горело только желание.

Юноша был полностью её, целиком, без остатка... Только пожелай, всё исполнит.

- Всего лишь один раз... - промолвил он, склоняясь всё ближе.

В животе Зариславы сжалось что-то тугое и твёрдое, потянуло, а потом мгновенно растаяло, разливаясь по ногам и рукам дрожью. И это ощущение её удивило: познать бы его больше. Это было похоже на то, как будто идёшь по незнакомой тропинке, желая узнать, что там за поворотом. Волхва никогда не заговаривала с Зариславой, как совершается любовь между мужем и женой. Лишь по случайности она однажды застала в овине двоих голубков, которые, не заметив появления Зариславы, с пылом отдавались друг другу. Перед глазами сей же миг возник образ девицы, а в ушах отдались её стоны, вспомнилось напряжённое лицо молодца, который стискивал в руках девицу, что глину. И Зарислава подумала бы, что извивалась она от боли, которую он ей причинял, но это было не так...

Разволновавшись, она прикрыла ресницы и почувствовала на своих губах тёплые губы Дивия. Он касался осторожно, будто боялся спугнуть возлюбленную, и та передумает и отпрянет, если он будет слишком настаивать. И Зарислава взмолилась, чтобы он так и сделал, тогда она сможет ускользнуть. Но Дивий целовал её не торопясь и нежно... Язык его коснулся её языка, Зарислава задрожала, отвечая на поцелуй неумело. Но тут ощутила, как руки Дивия, доселе сжимавшие её плечи, скользнули вниз по спине к бёдрам. Зариславу будто ледяной водой окатило. Дивий почувствовав её напряжение, отстранился.

- Прости, - дышал неровно и глубоко.

И Зарислава тут же залилась жаром. Оправившись, отступила к частоколу. На миг представила, что откажется от дара и станет его женой. А если любовь пройдёт, что тогда? Станет сожалеть о том, что променяла свой дар, поддавшись слабоволию? А душу потом не вылечить. Нет, пропадёт она... Любит ли она Дивия? Если бы любила, не мучилась бы сомнениями.

Зарислава оправила верёвку туюска на плече и шагнула в сторону калитки, но остановилась, обернулась. Теперь лицо Дивия оказалось в тени деревьев, и Зарислава не видела его. Тем лучше...

- Ступай, Дивий, не выйду я более...

Зарислава отвернулась, толкнула дверку и, больше не оборачиваясь, уверенной поступью направилась к порогу. Дивий не пытался её окликнуть - знал упорство возлюбленной. Зарислава надеялась, что к тому времени, как она вернётся, сын пахаря найдёт себе суженую. А вернётся она к осеннему равноденствию, если Боги поспособствуют и позволят травнице поставить на ноги княжича раньше срока.

«Дай-то Боги!» - обратила она душой к небу.

Почувствовала, как губы горят, всё ещё помня прикосновение тёплых губ Дивия.

«И как могла позволить ему целовать себя?» - грёзы прошли, и теперь Зарислава корила себя за своё слабоволие.

Сама не своя, она вбежала в горницу, пряча глаза от матушки.

- Быстро же ты справилась, - отозвалась волхва, хлопоча над чугунками у печи.

По избе разносился вкусный запах снеди. Ветрия повернулась, встретив Зариславу встревоженным взглядом.

- А чего это ты такая распалённая? - перекинув рушник через плечо, волхва подошла к Зариславе ближе, оглядела внимательно. - Никак поймал тебя кто? Или венок надел? Через костёр с кем прыгала? За руки держались?

Зарислава сняла туесок и всё избегала взгляда матушкиного. Всегда Ветрия предупреждала, коли с молодым каким через костёр прыгнуть за руки соединившись, то сам огонь союз освещает, и связь эту Боги видят. Потом уже не отговориться. Это Зарислава уяснила себе хорошо. Пусть и уговаривала матушка приглядеться к Дивию, но целоваться до сговора родственников, и через костёр с ним прыгать - на то согласия не давала.

Зарислава собрала волосы и откинула их за плечи, с виной поглядела на Ветрию. Та стояла подле неё, оперев руки в бока, ждала ответа.

Губы так не вовремя укололо, вынуждая заново ощутить касание губ Дивия, и показалось, что в этот самый миг Ветрия видит, что творится в голове её. Краска мгновенно проступила на лице Зариславы. И от стыда не знала куда себя и деть. Хорошо, что света от лучины не хватало, и матушка не смогла толком разглядеть нерадивую дочь. Вот же, ничего не скроешь от неё, всё зрит насквозь.

- Ну что ты, матушка. Нет, венки никто не надевал. И через костёр ни с кем не прыгала, - Зарислава выдохнула и призналась. - Дивий, опять ждал у калитки...

Ветрия только всплеснула руками, закатив глаза, но ничего не сказала, не стала допытывать да вызнать. И Зарислава за то была благодарна ей.

Встряхнув волосами, она откупорила крышку туеска. Пустую горницу, тут же озарило свечение огневиц, затлели они будто угли в очаге, заиграли переливы по стенам и бревенчатому потолку.

- Вот же самоцветы дивные, - восхитилась Зарислава.

Ветрия склонилась над травами, глаза волхвы сразу оживились огнём. Матушка одобрительно покачала головой.

- Сильная нынче земля... Ну что ж, теперь спокойна я, с лёгким сердцем отпускаю. Не сомневаюсь, поможешь ты Радмиле вернуть жениха, - улыбнулась Ветрия, погладив Зариславу по плечу. - Теперь пора в путь-дорожку собираться, кмети княжны у перелеска тебя ждут, спрятались подальше от глаз людей, чтоб не пугать.

- Если бы Дивий их видел, точно бы не отпустил меня, - сорвалось с губ Зариславы.

Ветрия долгим взглядом поглядела на дочь.

- Ты так не хочешь замуж? Видно и правда, не дождусь от тебя внуков. Помру и не увижу.

Зарислава содрогнулась, но промолчала, прикрыла крышку и прошла к сундуку. Разговор на том был окончен. Пока доставала платья, одни простые, другие понаряднее, с вышивкой - всё же на людях будет, и пояса с очельями выбирала разные, Ветрия завернула свежеспеченный хлеб в рушник, насыпала в мешочек соли, сложила в суму. Выставила на стол горшок с кашей ячменной, разлила в плошки ароматного ягодного отвара.

Зарислава тем временем, свернув выбранную одежду в мешок заплечный, всё думала о предстоящем пути. Духи помогут в дороге, опасность всякую отведут, лес травницу не пугал, а вот что её может поджидать за стенами крепости, девица боялась думать. Быть может, там опаснее, нежели в самой глухой чащобе?

Собрав необходимые в пути вещи, Зарислава переоделась в шерстяное платье, подвязав пояс козьей шкурой. К утру будет прохладно, а ехать придётся без остановки всю ночь. Волосы она по обыкновению не заплела в косу, но очелье с витиеватыми обережными подвесками формы солнца с лучами подвязала. Потом прошла к столу, присела на лавку, взяв в руку деревянную ложку, запустила её в кашу, щедро сдобренную маслом.

Ветрия, наблюдавшая за ней со стороны, вдруг призналась, беспокояно оглядев девицу:

- Боязно мне тебя одну отправлять.

Зарислава, прожевав кашу, легонько коснулась сухой руки Ветрии.

- Не волнуйся, матушка, всё будет со мной хорошо. Право, я же многое от тебя переняла, обижать себя не позволю, не пропаду. Буду осторожной.

Волхва притихла, но к еде не притрагивалась, всё смотрела на Зариславу, и тревога гуляла в её ясных глазах.

- Ты у меня настоящая умница, Боги мне послали сокровище, - волхва замолкла, нахмурилась. - Не хотела тебе говорить, да нужно.

Зарислава опустила ложку в кашу, насторожилась, внимательно оглядела матушку. Никогда она раньше не слышала от старухи такого признания.

- Я вечером-то, после того, как уехала княжна, резы[4] разбросила.

- И что же показали они?

- Силу тёмную показали, судьба Вагнаны связана с колдуном, не простым, а что есть не человеком, начало его звериное.

Зарислава долго посмотрела на волхву, обдумывая сказанное.

- Ты уж будь с девкой этой осторожнее, на глаза не попадайся, пускай Радмила всё и решает, а ты не влезай, в стороне будь, тихо дела свои совершай, и пусть о том, что ты травница, что помогаешь княжне, никто не знает.

- Не оборотень ли? - спросила Зарислава, а у самой холодок побежал по спине.

Слыхивала она, что жил в лесах народ племени древнего, умели они в животных разных перекидываться, кто волком, кто медведем.

- Не знаю, дочка. Не могу ответ точный дать. Защита на том человеке. Так что гляди внимательней. Коли колдун почует силу, попытается отнять её.

Зарислава опустила взгляд и зачерпнула каши, впрочем, есть ей уже и перехотелось.

Волхва поднялась со своего места, пошарила по верхней полке, сняла короб деревянный, открыла, извлекла небольшую резную деревянную фигурку, вложила в руки дочери, заглянула в глаза, проговорила вкрадчиво:

- Пусть оберегает тебя от чёрного глаза и беды. Носи его всюду.

На ладонях Зариславы лежал деревянный потёртый временем Бог Чур. Тот самый, который передавался из рода в род по женской стороне. Травница сжала его, к груди поднесла.

- Всё сделаю, как говоришь.

- А я буду молить Богиню беречь тебя.

Зарислава, дабы не тянуть время - всё меньше нравилось ей согласие помочь княжне, поднялась, подхватила вещи. Вместе с волхвой вышли на порог. Здесь травница повернулась к матушке.

- Не провожай меня дальше, - попросила она.

Ветрия обхватила её лицо тонкими пальцами, поцеловала в лоб, осенила перуницей.

- Ступай, Боги в помощь тебе.

Зарислава кивнула, долго вглядываясь в лазоревые глаза матушки. Никогда она не ставалась с ней так надолго. Отступила, развернулась и зашагала к калитке, но, оказавшись за частоколом, ощутила, как дрожь пробрала её. Как хотела она стать жрицей, а теперь, когда предстоит ей дальний путь в одиночестве, так и засаднило в груди. Тоска нашла, девице захотелось вернуться в избу, лечь на лежанку и накрыться одеялом да слушать, как тихо поёт матушка у веретена под лучиной. А с первым петухом проснуться и заняться делами обыденными.

Покинув порог, Зарислава пошла вниз к чёрной гряде леса. Всё, что происходило с ней, сном казалось.

"Теперь поскорей бы вернуться..."

Перуницей - при произнесении заговоров и совершении ритуалов и обрядов славяне себя осеняют перуницей (знаком молнии).

[2]

Правь - всеобщий закон, управляющий миром.

[3]

Зеленые Святки - являются праздником наивысшего расцвета природы.

[4]

Черты и резы - славянские рúны (рúница).

Глава 3. Вагнара

Глава 3. Вагнара

- Отойди, я хочу видеть отца, - прошипел Данияр, когда перед мутным взором расступилась челядь и откуда ни возьмись возник дядька.

На бледном лице Марибора проявилась твёрдая суровость. Он смерил княжича ледяным взглядом, к которому Данияр, наверное, никогда не привыкнет, вынудил невольно оцепениться. Марибор своей внушительной фигурой закрыл весь дверной проём, но для Данияра это не стало каким-либо препятствием, именно сейчас, когда он едва стоял на ногах, и от усиливающегося пота катился с висков по скулам, он чувствовал беду, что взяла его за душу ещё утром.

- Тебе не нужно сейчас к нему, ты слишком слаб, - промолвил бастард.

- Уйди с дороги, - потребовал Данияр, сузив гневно глаза.

Сколько помнил Данияр, отец не жаловал Марибора. Потому княжич никогда не интересовался им. Дядька стал показываться в теремных хоромах с недавних пор, как начались набеги степняков. Толку от его присутствия было мало, только и мозолил глаза. Когда Горислава ранили душегубы, так и вовсе переселился в княжеские чертоги, под бок отцу. С чего вдруг начал заявлять о себе своим присутствием и за столом в трапезной появляться, на сбор старейших приходить? Раньше носа не казал, считал выше своего достоинства разделять братину с другими, а теперь только его и видно. А быть может, потому, что Марибор всё время держался подле Вагнара, он стал так раздражать племянника?

Марибор устало выдохнул и снисходительно посмотрел на княжича, будто на непоседливого отрока. Данияр мгновенно вспыхнул, но не успел и рта раскрыть, и слова сказать, дядька опередил.

- Он умер.

Данияра будто копьём прошибли. Стены покачнулись, гнев схлынул, толкнув его к пропасти. Внутри надсадно защемило.

- Как, умер? - выдохнул княжич, и неверие застыло на его лице.

Ещё вчера он справлялся о здоровье Горислава, Марибор уверял его, что тот шёл на поправку.

- Прочь, - выдавил Данияр, более уже не ручаясь за себя.

Дядька сжал зубы, поиграл желваками, но всё же от двери отступил.

Толкнув створку, Данияр шагнул через порог в темень чертога.

В лицо пахнул тяжёлый дух воска и масел. Когда глаза привыкли к полумраку, Данияр различил в тусклом дневном свете лежащего Горислава, застывшего и бледного...

Наволод, который сидел подле князя, поднял голову. Ничего хорошего княжич в его взгляде не увидел.

Данияра пробил дрожь, он качнулся и, не дожидаясь разъяснений волхва, спешно прошёл к отцу. Глаза Горислава были прикрыты, волосы с проседью рассыпаны по подушке. Отец был в самом рассвете сил, однако за последнюю седмицу, что боролся он со смертью и отравой в своей крови, голова его побелела. Сильный и могучий князь Горислав лежал, что изваяние божества, строго и неподвижно. Теперь острые черты лица его разгладились, ушло то напряжение, которое было присуще ему в жизни: расслаблена твёрдая челюсть, уста смягчились, расправилась глубокая морщина меж густых бровей. Весь его вид выказывал спокойствие и умиротворение. Данияр не узнавал отца, будто не он лежал перед ним.

- Князь ждал тебя, - отозвался старец.

- Когда же он...? - Данияр сглотнул подступивший ком.

- На заре... - отозвался Наволод.

«На заре...» - княжич опустил глаза, нахмурился. А он спал всё это время. Досада сжала в тиски его душу, обожгла.

Оправившись от первого потрясения, Данияр поднял глаза на волхва. Наволод выглядел уставшим, косматые волосы спадали по плечам его, одет старик был как отшельник - рубаха длинная висела на нём мешком, подвязанная верёвкой, на шее горсть оберегов из дерева и железа. Верно собственный вид давно перестал занимать волхва, всё боролся он с духами злыми за жизнь князя, да не вытянул его из мрака.

- Ты же знал, почему не пробудил? Намёка не дал загодя, что отец...

Данияр осёкся, упрямо мотнул головой. Он же сам помышлял, что отец не выкарабкается, что заберёт его Навь.

Серые с поволокой глаза мудреца стали ещё пасмурней.

- Будил я тебя, княже... но вижу, ты запамятовал.

Данияра будто плетью огрели. Смешалось в нём смятение и удивление.

- Был я нынче у тебя... Ты было поднялся. Разговаривал со мной... - разъяснил неторопливо волхв, уводя от юноши мутный взор.

Княжич, не веря словам волхва, смотрел на него в упор. Сколько бы ни силился, а не мог этого вспомнить. Только то, что тяжёлый камень, который давил на него долгое время, спал с груди.

- Что со мной, Наволод? - обречённо спросил он.

- Ничего, княжич, - сощурил старик глаза. - Вагнару домой отправь, и тогда оправишься.

Жар всплеснул внутри - и чего они все привязались к Вагнаре, будто дорогу всем перешла? Глянув на отца, Данияр охладел.

- Краду[1] уже собрали у реки. Жрецы ждут, чтобы начать читать напутствие. Пусть рано его душа поднялась к Богам в Пречистый Ирий, но, видно, так распорядилась Карна[2]. А потому не время горевать, честь по чести князя Горислава проводить нужно в последний путь по земле, - волхв обеспокоенно оглядел его. - Готовься, княжич, через три дня на курган взойдём. Набирайся сил. Сможешь прийти?

Данияр посмотрел на него исподлобья. Сможет ли он? Ещё вчера был прикован к постели, не мог поднять и чашу с питьём. Ныне же он пришёл в опочивальню Горислава.

- Смогу, - отозвался Данияр и отступил, отрывая взгляд от отца.

Застёгивая петли длинной рубахи на груди, Данияр тяжело дышал. Хотя все ставни с окон были сняты, воздух совсем не попадал. Три дня минули с тех пор, как дух покинул тело Горислава. Всю крепость будто охватило забвение. Стаяла такая тишина, что казалось, налетела орда степняков и покосила народ. Вымер детинец и посад.

- Дышать нечем. После Купальской ночи жара невыносимая.

Данияр обернулся, посмотрев на говоруна давящим взглядом. Молодой, с проклюнувшимися рыжеватыми усами и спутанными волосами, паренёк семнадцати зим подал княжичу пояс, отводя виновато глаза. Видно сам понял, что болтает много, потому Данияр не стал его упрекать и бранить.

Забрав пояс, он подвязал им тёмную рубаху, сверху накинул такой же неприглядный кафтан цвета ночного сумрака.

Разговаривать не хотелось, поэтому, спровадив мальчишку, княжич опустился на лавку, поставил локти на стол, сцепил подрагивающие пальцы в замок, уткнулся в них лбом, закрыл глаза. Отдышавшись, он хотел было окликнуть назад отрока, чтобы тот позвал Вагнару, но передумал. Все эти три дня она и так провела подле него.

Данияр и не заметил, как привык, что сарьярская княженка всегда рядом.

«Добралась до самого сердца», - признал с горечью он.

Вроде обычная девка, и нет в ней хитрости да прелести сродни той, что имели бабы, чтобы одурманивать собой мужей, а как же в душу забралась! Как поглядит, так и тепло становится в груди. А как начинает речи вести, век бы слушал её...

Отец... Данияр зажмурился. Предчувствовал, что беда случится. Ведь Гориславу с каждым днём становилось всё хуже. По злему року князь оказался не в том месте, став пленником степняков. И как проглядели дружинники и воевода Вятшеслав? Одно Данияр понимал - если стрела ядом была смазана, значит, умышленно убили отца.

«Но кто? Кто предатель?»

Этот вопрос мучил Данияра уж много дней. И не было ему ответа ни от волхва Наволода, ни от побратимов. А когда отец оказался на смертном ложе, Данияру стало худо - недуг, что терзал его, настигал всё чаще. Не могли разгадать лекари, какая лихая болезнь поселилась в теле и пустила корни смерти. А Наволод всё твердит, что виновна в том Вагнара, которая появилась в его жизни всего две седмицы назад. Ни в чём не повинная девица теперь расплачивается за то, что Данияр отослал Доловскую княжну Радмилу назад в родной стан. Струхнули старейшины. Они ведь думают, что от этого союза будет им защита, и сам Доловский Князь Вячеслав станет тыном для Волдара. Может оно и так...

Радмила, дочь его, понравилась когда-то... Сейчас же Данияр смотрел на неё, и с души воротило... И как теперь поступить с ней? Княжна-то обиделась, уже как седмицу не показывается в крепости. А обручьями обменялись. Вон оно, лежит в сундуке на тёмном дне, и доставать на свет его не хочется.

Из размышлений княжича вывело призывное пение рога. Впрочем, оно уже давно созывало народ к воротам, это Данияр расслышал его только сейчас. Поднявшись, медленно направился к выходу. Миновав пустые теремные переходы, вышел на крыльцо, под навес двускатной крыши. Тут же столкнулся с Марибором. Данияр скривился и отвернулся, раздражённый спокойствием дядьки. У него брат умер, а на лице ни доли скорби, взгляд властный, будто наследство ему вверится. Ублюдок. Данияр отвлёкся, когда на княжеский двор в распахнутые ворота потоком пошёл народ. Все хотели проводить князя в последний путь. У крыльца уже давно ждала дружина. Верные князю воины ныне остались без своего предводителя. Старейшины в белых рубахах зажигали факелы. Рядом столпились бабы-сказительницы.

Соседшего со ступеней княжича встретили взволнованно - уж ни для кого не было тайной, что хворал он неизлечимым недугом. Вот и сейчас смотрят во все глаза, шепчутся меж собой, верно, думали, что сын уйдёт за Раскалённый мост, на другой берег вместе с отцом.

Князя Горислава вынесли пятеро крепких воинов. Первыми они и вышли за ворота, следом - Данияр в сопровождении Наволода и других старейшин. За ними потянулись дружинники. Бабы начали петь неторопливое и затяжное сказание. Завершал вереницу простой люд и челядь.

Вышли к высокому берегу, от которого во все стороны, куда ни глянь, простирались зелёно-голубые дали. И на этом лоне природы высились курганы с дубовыми изваяниями и доминами погибших предков Данияра.

На холме, как и говорил Наволод, уж всё было подготовлено: горели по кругу на четыре стороны костры. Дым от них поднимался в чистое синее небо, затмевал Купало-солнце[3], и густые тени ложились на травы. Будто громадные змеи, они медленно скользили по берегу, тёмным платом накрывали толпу.

Князя подняли на краду, уложив на собранный для погребения помост. Первым зашёл прощаться Данияр. Во рту его пересохло, он внимательно оглядел отца, на глазах которого лежали тяжёлые золотые монеты. Лицо Горислава по-прежнему оставалось умиротворённым, бронзовая кожа теперь стала белой. И только дорогой наряд, в который облачили князя, пест-

рил. Данияр склонился, поцеловал холодное чело отца. Много хотел бы он сказать, но горло сдавливало, слова застряли.

- Я найду того, кому нужна была твоя смерть, и убью, - только и сказал он, затем отступил, сошёл на землю.

Следом поднялся Марибор. Данияр отвернулся и не глядел до тех пор, пока за ним один за другим не стали подходить приближенные и воины, так же они целовали чело, что-то говорили, спускались наземь. И когда поток иссяк, волдаровский народ неспешно зашагал с пением вокруг крады, забили тревожно бубны. Замкнув кольцо, люди медленно вели хоровод, останавливались, поднимали руки, взывая к предкам, и снова, берясь за руки, шли.

Волхвы, обращаясь к Богам, окропили водой тело Горислава, отошли в сторону. А затем полыхнул огонь. Пламя занялось мгновенно, с жадностью поглощая поленья и солому - ныне Семаргл[4] насытится.

- С дымом уйдёт душа правителя Волдара. Теперь Горислава ждёт новое воплощение, но его дух будет рядом с нами, помогать во всём, оберегать, - произнёс Наволод речь и, повернувшись к Данияру, сказал тихо: - Не горюй, княжич, время оправит всё.

На душе у Данияра и верно было муторно, он даже не смог глянуть на волхва. Так и стоял в безмолвии. Даже тогда, когда от костра остался только пепел и чёрный дым, что струйками поднимался и развеивался по округе, Данияр не чувствовал утраты. Он вообще ничего не чувствовал, будто это и не с ним происходило. Отец всегда был рядом, и казалось, что вернётся в терем и встретится с ним в хоромах, а вечером будут вместе трапезничать. Но этого не случится. Данияр взойдёт в пустую горницу, и его никто не встретит, никто не будет ждать. Если только... Вагнара.

Оправившись, он поднял глаза, выискивая сарьярьскую девку. И нашёл, выхватив взглядом из толпы русую косу с бронзовым отливом. Рядом с ней возвышался Марибор.

«И что ему надо от неё? Сукин сын», - Данияр сжал кулаки, похрустел челюстью.

- Данияр Гориславович, - старейшина Ведозар в тёмной рубахе до колен приблизился к княжичу, держа в руке свёрток.

- Что прикажешь с этим делать? - спросил он, протянув вещь Данияру.

Княжич принял из рук старца свёрток, развернул. Внимательно рассмотрел длинную стрелу с тонким древком из ясеня и железным двухлопастным наконечником - такие делают только степняки.

- Стрела, которая пробила грудь князя Горислава, - разъяснил Ведозар.

Данияр быстро завернул стрелу обратно в полотно и отдал старейшине.

- Оставляю. Пусть храниться как напоминание. Отец погиб от рук врага.

Данияр поглядел за плечо старейшины. Жрецы уже собрали с крады останки в домовину, принялись опускать столб с прахом и оружием в землю. Другие же жрецы торжественно развеяли по ветру оставшийся пепел. Уже на заре у храма воздвигнут в память Горислава деревянное изваяние, что будет охранять род. Хотя охранять больше некого - Данияр остался один, совершенно. А здесь, на берегу, в память о князе вроят в землю столб с его ликом.

Данияр приблизился к прогоревшей краде, зачерпывая персти, стал засыпать домовину. Следом подтянулись и остальные. Сыпали безуданно, пока не образовался курган. Только после этого княжич расправил плечи и пошатнулся.

- Худо? Отдохнуть тебе нужно, - позаботился кто-то о нём.

Когда зрение прояснилось, Данияр увидел рядом с собой Наволода и остальных отцовых старейшин. Нутром чуял, что они желают говорить с ним о главном, что волнует их более всего.

- Тебе нужно послать за Радмилой, - начал Ведозар. - Негоже отмалчиваться. Она поди ждёт, переживает. А узы ваши всем на пользу будут. Доловск сильное княжество, поддержка Вячеслава ныне необходима твердыне нашей. Не ровен час, степняки набегут, как отстаивать

будем? Откажешься от дочери его, тогда никто в помощь к нам более не придёт. А вместе супротив недругов справимся. Пора бы в поход снаряжаться.

- Люди с дальних весей жалятся, мол, дань платим, а защиты никакой, - подхватил другой.

- Так и казна опустеет, развалится твердыня-то. Пошатнулась их уверенность. Теперь, после смерти Горислава, начнут давить.

- Я сам поеду к ней, - рявкнул Данияр. - Но только для того, чтобы отказать Радмиле.

И без того бледный, Ведозар посерел, переглянулся с остальными.

- Ты, княже, не горячись, - Наволод бросил острый взгляд на старейшину, обратился к Данияру, - подумай хорошенько. Негоже с плеча так рубить, ссору разводить с князем Вячеславом. Он за дочку свою Радмилу вон как печётся. Обиды не простит.

Данияр свирепо глянул на Наволода, потом перевёл взгляд на Ведозара, на остальных старейшин. Вгляделся в суровые и сухие глаза. Ветер трепал их седые волосы и просторные рубахи, что надувались пузырями на жилистых, но крепких телах старцев. Все они умудрённые жизнью, опытом, все они надеются на него. Данияр перевёл взгляд обратно на Наволода. Супротив горячности и молодости княжича сильна была воля их, и ради предков и рода нужно было следовать решению старейшин. Иначе... Данияр выдохнул. Иначе всё развалится к лешей матери, рухнет вся его власть и твердыня - правы они. Задав гнев, он ответил:

- Хорошо, волхв, коли надо, шли гонцов. Пусть приезжает невеста.

Старейшины одобрительно закивали, отступили, отстав, наконец, от Данияра.

Были накрыты платы на травах и разложены на них яства, когда вечерний сумрак на кургане начал сгущаться. Воины сгрудились на ристалище: звенели секирами, яростно схватываясь в поединке, и не расходились до победы одного из соперников, когда другой, сражённый, оказывался лежащим на земле. Вспоминали они, как Горислав вёл их в бой, заново бились, показывая народу поединки. А потом рассаживались возле костров за собранными скатертями, испивали братину за князя Горислава, поминали его добрыми словами. И с каждой поднятой чарой народ гудел всё громче, а рассказы о подвигах витязя становились всё веселее.

Данияр блуждал взглядом по лицам воинов. Вятшеслав, сильный и могучий, старший в своей рати - побратим князя. Заруба - тысячник и верный помощник отца. Марибор.

Заиграли кудесы на гусях, затянули жалейки, разливался и смех волдаровцев. И Данияру казалось, что Горислав здесь, на кургане, среди собравшихся. Вот он встанет сейчас и поднимет братину, выпьет за могучий дух дружинников и за здоровье сына. Но этого не случится. Умом Данияр понимал, а сердцем принять утрату так и не смог за эти дни. Он смотрел в чару с сурьей и видел суровое лицо отца, а потом видение растворялось, когда Данияра выдёргивали из задумчивости радостные возгласы и смех. Дружинники призывали испить за князя. Данияр пил, и голова его становилась всё тяжелее, а мысли - всё более вялыми.

- Мне нужно идти, - оповестил он воевод и отставил чару.

Хотелось побыть одному.

Данияр поднялся, обождал, когда отступит дурнота, направился к стенам крепости, прочь от кургана. И его никто не смел остановить...

Ступив за ворота, он поднял глаза и столкнулся с пронзительным взглядом русоволосой девицы. Смотря на княжича мягко и понимающе, Вагнара приблизилась.

Он же был прикован взглядом к её устам, которых ещё никогда не касался. Ему так давно хотелось прижаться к ним. К тому же хмель вскружил голову.

Шум с берега докатывался до детинца, но и он исчез из сознания княжича, оставив ему только Вагнару - пленительную и желанную. Она протянула ему что-то в руке.

Данияр опустил глаза, Вагнара держала чару с золотистым питьём.

- Испей моей сурьи. Для тебя старалась, - сказала она напевным голосом.

Не отрывая от неё взгляда, Данияр принял угощение. Вагнара откинула косу с плеча за спину, охватила свой тонкий стан руками, ожидала.

- Оставь его, блудница сарьярская.

Голос, что гром, прорезал сознание Данияра, и тот обернулся. Удивился, когда схлестнулся с взглядом Наволода. Знать, проследил всё же за ним. Сознание Данияра мгновенно поглотила ярость.

- Чего тебе надо, волхв?

- Чтобы она возвратилась обратно к своему отцу, в Сарьярь, - спокойно отозвался Наволод.

Вагнара моргнула ресницами, стыдливо краснея, развернулась и припустилась к крыльцу, пробежала по порогу, скрылась за дверью, как и не стояла тут перед Данияром и не улыбалась ему только что.

Стиснув до скрежета зубы, Данияр повернулся к волхву.

- Напрасно ты обижаешь её. Вагнара невинна и чиста.

- Одумайся, а как же Радмила? Ты же дал обещание, - прошептал Наволод, настаивая на своём.

- Не сквернословь, Наволод, знай своё дело. А Радмила - моя забота, я разберусь, - сказал он и поднёс к губам чару, что вручила ему Вагнара. Опрокинул, осушив до дна сладкую сурью. Вытерев рукавом уста, Данияр зло бросил посудину наземь и, поглядев на волхва с высоты своего роста, развернулся, зашагал к порогу вслед за княженкой.

Он одним махом миновал длинную лестницу, погрузился во тьму коридоров, заглядывая в закутки и клетки, пока не услышал тихие всхлипы в своей опочивальне. Когда Данияр шагнул в полумрак своего чертога, освещённого только тусклой искрой лучины, то увидел девушку. Вагнара сидела на тесовой кровати, пряча лицо в ладонях. Данияр медленно подошёл, опустился рядом. Вагнара перестала всхлипать, отняла ладони от лица, выпрямилась и, избегая взгляда княжича, посмотрела в низкое окно.

- Он больше не посмеет говорить так с тобой.

Вагнара промолчала.

- Прости его.

Она резко обернулась.

- Простить? Я же стараюсь как лучше. Но тебе я только для забавы. Попользуешься мной и бросишь. Уж и народ смеётся надо мной, шепчутся, смотрят косо. Вот и Наволод высказал... Коли венчаешься с Радмилой, я покину твой порог, - всхлипнула Вагнара, вытирая со щеки слезу.

Данияр выдохнул.

- Нет, не позволю... - сказал он, обращая на Вагнару тягучий взгляд, всматриваясь в её сверкающие глаза, напоминавшие ему драгоценные камни.

Княжич опустил глаза, осторожно коснулся её длинных пальцев. Разрываясь на части, думал, как теперь поступить. Он пообещал волхвам взять Радмилу, но и позволить уйти Вагнаре не мог, не мыслил жизни без неё. Он хотел её, желал, и в паху ломило от боли.

- Ты останешься здесь. Даже если бы ты сама захотела уйти, я бы тебя не отпустил.

Вагнара застыла. Тогда Данияр, сжав горячие её пальцы, поднёс их к губам и, развернув руку, поцеловал в середину ладони. Сразу не выпустил, вдохнул одурманивающий запах её кожи, подался вперёд, ведомый сумасшедшей силой, одурманенный желанием взять её прямо тут, немедленно.

Вагнара не отняла руки и не отстранилась, тогда он склонился, приблизившись к лицу её. Губы Вагнары были цвета спелой земляники и пахли так же сладко. Княженка быстро облизала их языком, опустила ресницы и отвернулась.

- Нет, княжич. Больно ты торопишься, я пока не невеста тебе.

Она отстранилась. Позволить, чтобы Вагнара ушла, он просто не мыслил. Без неё пропадёт. Вагнара - единственная девица, которая могла ныне утешить его душу, заживить раны, успокоить. Только в ней он видел жизнь и радость.

«Нет, не отпущу. Ни за что!»

В глазах неожиданно потемнело, а свет лучины померк. Пол же покачнулся, сию же минуту кинуть княжича наземь. Он зажмурился.

Вагнара, заметив неладное, спешно поднялась, отряхнула платье, разгладила складки, откинула косу за спину и, поглядев свысока остро, сказала:

- Отдыхай, Данияр, сегодня у тебя был тяжёлый день.

И как только сказала она это, он почувствовал, что его знобит и уже давно, а лоб, шея и спина взмокли. Мутный осадок отвращения к самому себе поднялся из глубины его естества.

Вагнара ушла, Данияр даже не заметил, как. Стены поплыли, а сознание стало проваливаться, как рыхлый снег. Более княжич уже не мог держать себя и, завалившись набок, распластался на постели, закрыл глаза. Перед внутренним взором поплыли смутные, неясные образы, сменяясь один за другим. Вот он слышит смех отца, видит помрачневшего Марибора. Целует жаркие губы Вагнара, а суровый взгляд волхва пронизывает его, толкая в пучину опаляющей ярости. Данияр перестал понимать, где он и что с ним происходит. Больше не в силах различать Явь, он провалился в тягучую темноту небытия.

[1]

Крада - это погребальный костёр, на котором происходит всесожжение тела умершего, чтобы его душа легко поднялась в Небесный Мир, т. е. к-Роду.

[2]

Карна - богиня рождения, воплощения и перерождения, образ цикличности Вселенной.

[3]

Купало-солнце - древний славянский календарь строился по явлениям четырёх сезонных ипостасей языческого бога солнца - Коляда-Ярило-Купайло-Световит, привязанным к четырём астрономическим событиям года:

[4]

Бог Семаргл (Огнебог) - Вышний Бог, хранитель Вечно живого Огня.

Глава 4. Доловск

Глава 4. Доловск

Кмети обходились с Зариславой осторожно, будто сопровождают особу знатную. На привалы и ночёвки останавливались, костры разводили, даже палатку ставили для неё. Шуточками не дразнили и лишними разговорами да болтовнёй не занимали попусту, не докучали. Видно, строго приказала Радмила довести ялыньскую травницу, чтобы ни одна жалоба не выскользнула из её уст. И всё равно неловко было одной в дороге да с двумя крепкими мужами. Но деваться Зариславе было некуда, она простая травница, у которой нет своих людей да служанок.

Два светлых дня небольшой отряд из троих всадников тянулся через пролески да лужки, часто перемежавшиеся с махровыми ельниками и молодыми березняками. Дорога всё дальше уводила от Ялыньской глуши, и всё крепче сжимала сердце тоска по дому. Впрочем, Зарислава утешала себя тем, что скоро вернётся.

За всё время путникам так и не встретилась ни одна деревенька: глухомань кругом да дремучесть. Нынче Купало парил сильно, и воинов с каменной волей изнуряла жара. Истекавшие потом, они утомлённо покачивались в сёдлах, отмахиваясь от надоедливой мошки да стрекоз. Интересно и в диковину было наблюдать травнице за ними. Ялыньские же молодцы только на игрищах силу свою проявляли да на земле за плугом, меч никто из них и не держал толком. Да и кузнец из оружия ковал подковы да серпы с ножами, более ничего. Сильные и крепкие кмети, верно служащие своему князю, внушали доверие и, что удивило травницу больше всего, уважение.

Зарислава привыкла к жаре и пеклу, вот и волосы от того ещё белее стали, выгорели. Когда же всадники ныряли в прохладу леса, здесь поджидала иная напасть - комары кусачие да крупные овода. Почему-то насекомые травницу не трогали, а всё норовили сесть на спины воинов. А Зариславу духи принимали, вот и оберегали.

Травница спокойно вглядывалась в буйную зелень, вслушиваясь, как отовсюду трещат лесные птицы, гудят кукушки. Запахи древесных смол разных пород сливались воедино, создавая тягучий аромат, от которого так и дурела голова. Но стоило снова выйти из чащобы на прогалину, как тут же окутывали иные запахи, цветочные, липовые.

К вечеру же третьего дня вышли на пойму голубой излучины, заросшую виклиной^[1] да купинами вереса. После купальской ночи теперь только твердеть стебли будут, да сок -уходить.

Купало-солнце уже давно закатился за лес, и потухший в сумраке небосвод окрасился в зелёный цвет, который плавно переходил в синие глубины. По земле заваяло вечерним холодком.

У самой кромки берега лес расступился, и Зариславе открылись бревенчатые стены обширного городища. О травах и наступающей на пятки ночи она и мыслить забыла.

Доловск был огромен. С высоченным тыном, башенками, да теремными купавками, хоромными застройками. Имелся и небольшой посад с десятков дворов, и многочисленные мосты у берега. Днём посад наверняка на муравейник походил, а сейчас, с наступлением ночи, он был тих и безлюден.

Только у ворот Зарислава спешила, размяв затёкшую спину, запрокинула голову, рассматривая надвратную башню, сложенную из цельных брёвен и с тесовой крышей. Балки толщины неохватной нависали над ней тяжело, придавливали к земле, и Зарислава казалась себе крохотной мышкой по сравнению с величием построек.

Прибывших пыльных и уставших путников встретил матёрый мужчина в росте под косую сажень, с русой бородой и тёмными бровями. Являлся будто продолжением этого громоздкого

детинца, такой же здоровенный и необъятный в плечах. Впрочем, все дружинники, что были на дворе, не уступали могучему воину в силе. От чего Зариславе стало тесно внутри.

«А этот? Никак сам воевода вышел встречать?»

Он хмуро оглядел с головы до ног Зариславу, хмыкнул, меняясь в лице.

- Вот так чудо. Неужели в деревнях такое диво водится? - спросил он у Бойко, который принялся разнуздывать лошадь.

Бойко только хмыкнул.

- Как видишь, водится, - ответил он, стягивая с луки дощатый щит.

Суета на дворе, которая образовалась вокруг Зариславы, привлекла внимание остальных. Завидев пришлую молоденькую девицу, подоспели ещё кмети, которые до этого мига тренировались на дворе. Они были супротив воеводы в разы моложе, однако, как успела заметить Зарислава, в росте своему командиру не уступали. Все они улыбались и оглядывали гостью пристально и нахально.

Травнице это не понравилось. Поскорей бы в схрон попасть. Не обращая внимания на их блуждающие по ней взгляды, Зарислава торопливо начала снимать с седла мешок да туесок, который тут же перекинула через плечо. Травы - самое ценное, их нужно беречь. Кожей ощущала, как на неё таращится с десятков кметей, и их ощупывающие взгляды чувствовала на своём теле, будто они и в самом деле касались её. От волнения Зарислава сжала подрагивающие руки в кулаки.

- Помочь тебе, красавица? - спросил кто-то за её спиной, видно, самый наглый из них.

Зарислава обернулась на голос. Вперёд выступил один из гридней. Молодой, распалённый. В рубаше, ворот которой был взмокшим от недавно состоявшейся на ристалище схватки. Глаза ясные пронизывали и кололи решительностью, а густую повитель соловых волос развеивал ветерок.

- Не надо, сама управлюсь, - ответила Зарислава, отвернулась и подхватила с земли остальные вещи.

Не для того она приехала, чтобы шашни крутить с парнями. Зарислава ожидала, когда велят идти, показывая всем своим видом, что ей глубоко безразлично их внимание.

- Проводи гостью, Пребран, - хлопнул юношу увесисто по плечу воевода, но тот удара даже не почувствовал. - Небось, на ногах еле стоит с дороги-то, умаялась да голодная поди. Вот и злая такая. Поторопись. Отдохнёт, может, поговорчивее и поласковее станет.

Зариславу жаром обдало с головы до ног и больше от стыда, чем от смущения.

Воевода напряжённо оглядел княжеский двор, с усмешкой добавил:

- А то тут скоро все скворцы соберутся на птаху гордую поглядеть.

Травница, казалась, покраснела ещё гуще, до кончиков ушей, отвела взор и, столкнувшись взглядом со смеющимся Пребраном, ещё пуще разругалась, как спелая клюква.

- Смотри, одну он уже так увёл, по сей миг дорогу не забыл, - хохотнул кто-то из кметей.

Воевода нахмурился, смерив болтуна суровым взглядом. Скрестив руки на груди, посмотрел на Зариславу, кривя тонкие губы в ухмылке.

- Ступай. Не тронет он тебя.

Девица перевела взгляд на сопровождавшего её от Ялыни Бойко, будто пыталась найти спасение. Но глаза того тоже смеялись.

"Да издеваются, поди!"

Что ж, она для них забава. Ну и пускай, главное, выполнит обещанное и вернётся восвояси. А о госте потом и не вспомнят. Зарислава поправила верёвку туеска и шагнула к Пребрану.

- Нам туда, - поманил он, кивнув в сторону хоромин, зашагал весело, расталкивая собравшихся кметей.

Те любопытно скользили взглядами по травнице, улыбались, выпуская откровенные шуточки в сторону Пребрана, от которых Зариславе должно было сделаться стыдно. Но как ни странно, они вовсе не цепляли, не задевали и не обижали её. Быть может, потому, что Зарислава знала за себя, что она должна сделать и кем станет после обряда. А всё остальное её не волновало. Видать и правда решила испытать Славунья...

В свете факелов Зарислава толком не разглядела ничего, шла ровно и доверчиво по следам Пребрана, смотря в его мускулистую с широкими лопатками спину. Кметь же ступал легко и гибко, но нарочито медленно. Он часто оборачивался и смотрел на Зариславу с интересом.

- Как звать тебя?

Зарислава сжала губы. На кой ему понадобилось имя её?

- Да ты не бойся, пташка, не обижу, - парень поспешил утешить травницу, улыбнулся краешком весьма пухлых губ.

- Я не пуглива, да только имя моё тебе без надобности. Не задержусь я тут надолго, а потому, быть может, видимся в последний раз.

Пребран, и без того шедший медленно, почти остановился.

- Вот как, - наглая улыбка сползла с его лица. - Только приехала и уже назад торопишься.

Откуда же ты прибыла?

Зарислава замешкалась. Вот же допытывает. Засомневалась, говорить или не нужно.

- Издалека. Три дня отсюда пути, через лес да топи.

- Из Ялыни что ли? - сразу догадался он.

Зарислава прикусила губы. Ну как не догадаешься, коли ехали они по глуши, поблизости никакой деревеньки. И первая из них и была Ялынь.

Пребран усмехнулся, видя, как побледнела Зарислава, и оставил её в покое.

Миновав дружинный двор, они прошли сквозь низкие, но широкие ворота, прорубленные прямо в стене, и оказались на другом дворе, в разы меньше первого. Дойдя до крыльца высокого, кметь остановился.

- Пришли, - сказал он, медля от чего-то, и всё осматривал Зариславу изучающе и бесстыдно. - Всё равно уходить станешь из тех же ворот, что и пришла. А значит, ещё свидимся, - улыбнулся Пребран, и Зарислава, ненароком залюбовалась им. - Обожди, я сейчас, - сказал он, отрывая от Зариславы долгий взгляд, развернулся и взбежал вверх по длинной лестнице, ведущей прямо на второй жилой ярус терема.

- Благиня! - окликнул он кого-то. - Выходи, тут по твою душу!

Вскоре послышался женский голос:

- Чего шумишь, окаянный! Щас выйду, щас я тебе... - забранила она. - Чего суёшься, куды тебя не просят?!

Зарислава хмыкнула - так и огреет крикунья молодца скалкой по хребту. Недаром у Благини голос крепкий, шумливый, ухабистый. Видать старшей среди прислуживающих была в тереме. Слышала Зарислава о помощницах таких.

Пребран же проворно сбежал обратно, а следом выглянула круглолицая женщина. Она открыла было рот, чтобы охаять негодника, что посмел к спящим девкам заглянуть, но, приметив Зариславу, сжала челюсти и торопливо спустилась к госте, о молодце позабыв.

- Увидимся ещё, пташка, - шепнул Пребран, склонившись над Зариславой так близко, что лица коснулось его дыхание.

Внутри Зариславы всё застыло - слишком откровенным ей показался этот жест. Юноша улыбнулся, сверкнули в темноте серые, но ясные глаза. Пребран отступил и зашагал обратно, на этот раз спешно ступая по вымощенной брёвнами дороге, ведущей к воротам, и вскоре скрылся в тених построек.

- А я ждала тебя.

Очнувшись, Зарислава повернулась к Благине. Та оказалась высокой полной женщиной с натруженными руками и в чистом переднике. Волосы её были собраны под повоем. Вблизи она выглядела моложе волхвы Ветрии. Голубые глаза, светлые брови, полноватые губы и нарумяненные, видно, ягодами, щёки делали её улыбку мягкой и приветливой. Да и пахло от неё черешней дикой и в тоже время молоком и хлебом - совсем по-домашнему. Располагала к себе.

Оглядела травницу беглым взглядом, поспешила принять под кров гостью.

- Княжна Радмила упредила, что ты явишься. Пойдём же, щас баньку тебе стоплю, накормлю. Устала поди, лебёдка? Ничего, сейчас отдохнёшь, я тебе перинку мягкую подобью, выспишься, как следует. Ступай за мной, - затараторила женщина, увлекая пришлую за собой.

Зарислава шла и всё осматривала хоромы просторные. Места много, и нигде пусто не было: клетки наполнились то мешками, набитыми крупой и зерном, то станками и сундуками. Всё гостя не разглядела, не успела. Благиня завела её в светлицу, где на лежанках вдоль стен уже спали девки-челядинки. Заслышав шум, они заворочались, кто-то из них поднялся, но старшая быстро их усмирила, шикнув:

- Спите, неча тут болтовню разводить, завтра день тяжёлый, дел много. Завтра и наговоритесь, а сейчас носами к стенке! - велела строго, но всё одно вышло у неё беззлобно. Однако девки стихли.

- Вот твоя постелька, здесь будет. Клади вещи вот сюда, - Благиня указала рядом с лавкой, где стоял небольшой деревянный сундук. - А я пойду дров подложу в топку, только вот парились недавно.

Зарислава оглядела ещё раз свою лавку. Прошла к сундуку, откинула крышку, стараясь не шуметь, поставила на пустое дно туесок с травами. Вещи же выпотрошила на перину, выбрала только рубаху ночную, в которой спать собралась, остальные платья сложила рядом с туеском, заперла крышку. Сверху сундука выгрузила суму поясную. Расстегнув стягивающий талию пояс, вздохнула легко. Шкуру козью бросила рядом. Развязав на затылке тесьму очелья, повесила украшение на спинку. Пока продирала волосы гребнем, вернулась Благиня и, проводив Зариславу через пустой двор в истопку, отлучилась.

В то время, когда травница мылась, старшая прямо в предбаннике накрыла стол. Наломала пирога с грибами, налила в кружку деревянную ржаного душистого кваса.

Зарислава только и уплетала за обе щёки. Прав был воевода - проголодалась: лесными ягодами не насытишься. Съела почти всё, что принесла ей добродушная женщина, а как набила нутро, в сон так и потянуло. Слипались ресницы, обомлело распаренное тело, облачённое в чистую одежду, и казалось, что и назад до постели не дойти.

Однако стоило покинуть истопку и выйти на воздух свежий под небо, силы то и прихлынули. Уже глубокая ночь настала, звёзды сияли ясно, подмигивали. Выбеленный лик месяца прорезал тьму над крышами теремов. Здесь, на задворках, было особенно тихо, только стрекотали кузнечики, да ухали совы и филины, пролетающие над княжеским двором. Напомнили родной дом. Так и казалось, что за частоколом лес простирается, но Зарислава знала, что за стенами разливается река, по которой и днём, и ночью глухой ходят ладьи торговые.

«Вот бы на Торгу побывать», - подумала мечтательно она.

Не стала себе лгать, хотелось примерить платки красные да ткани богатые, сродни как у княжны Радмилы, но быстро опомнилась. Монет-то у неё да кунов и в помине не было, а на лотках, поди, товар задаром не раздают. Зарислава одёрнула себя - к чему ей наряжаться? Для кого? Это всё баловство да капризы бабские. Хорошиться она ни перед кем не собирается.

Благиня вышла на порог предбанника скоро, плотно затворив за собой дверцу - теперь там будут париться духи. Вместе женщины спустились во двор, и Зарислава поднялась по лестнице, вернувшись в светёлку, в которой дотлевала лучина. Почти впотьмах травница прошла к постели своей, опустилась на взбитую перину и утонула в облаке пуховом. После ночей под открытым небом да на твёрдой земле постель такая блажью показалась.

Благиня задула тлеющий огонёк, прошептала тихо:

- Доброй ночи, - и тихонько пошла обратно к выходу, скрипя половицами. Как только дверь за ней затворилась, Зарислава осталась в гудящей тишине - после шумного дня, голова не сразу успокоилась, и всё слышались голоса посадских, воеводы да Пребрана. Вон он какой - наглый да беспокойный, а смотрит как? Того и гляди дыру протрёт, а всё же приятно и тепло отчего-то. Зарислава заулыбалась в темноте и тут же себя укорила, обвинив в простоте душевной и глупости несусветной. Эдак каждый будет улыбаться ей, а она - млеть при каждом случае. Поди не пятнадцать годков, чтобы краснеть, как малина, двадцать четвёртая зима прошла. В её годы девки уже по шестому чаду рожают.

Зарислава некоторое время лежала в кромешной темноте недвижимая, прислушиваясь к сопению и ровному дыханию. Челядинки так и не проснулись, не услышали возвращения, видно и впрямь устали за день от суеты дворовой, спали без задних ног.

Вынырнув из-под одеяла, Зарислава протянула руку, нащупывая суму поясную. Нашарила пальцами прохладное дерево, стараясь не шуршать излишне, выудила из мешка чура, что дала ей матушка в дорогу. Прижала его к груди и сомкнула ресницы - сразу согрелась.

"Как там матушка?"

Но не успела Зарислава погрузиться в думы тоскливые о доме, как в углу одна из челядинок зашевелилась. Травница быстро отвернулась к стенке, прикрыла глаза, притворившись, что спит. Снова раздался шорох, а потом всё стихло.

Зарислава некоторое время лежала, напрягая слух, но потом расслабилась, и мысли начали плавать, как мухи в скисшем молоке. Она подумала о Гориславе. Яд его утягивает в Навь, выстоит ли дух воина, коли встал на тропу мира нижнего? На сердце сделалось пасмурно и туго. Начала рассуждать про себя - пусть ялынские и вольным народом сльвут, но если падёт волдаровское княжество, степняки поползут с юга, и тогда бежать им придётся с обжитых мест. И что могло ужасного случиться, так это необходимость примкнуть к какому-нибудь княжеству под защиту и стать людьми подневольными, с трудов своих отдающими дань воеводам да князьям. Однако от таких мыслей сделалось Зариславе куда сквернее. У княжича Данияра горе - отец при смерти, сам душой недужит, а она выгоду ищет.

Так и лежала, думая всё об этом, пока мысли не стали расплзаться и ускользать, погружая её в тревожный, беспокойный сон.

- Поднимайся, - услышала Зарислава над ухом чей-то голос.

Она скривилась, с трудом вытягивая себя из масляного липкого сна.

- Да пусть поспит, Верна. Чего тебе неймётся. Рань какая. Солнце только встаёт, а она поди с дороги, - прошептал кто-то. - Пусть спит, не буди.

Чужие голоса окончательно выдернули травницу из сна. Зарислава мгновенно вспомнила, где находится, разлепила ресницы. Перед глазами склонялась девица с тёмными, как колодцы, глазами и струившимися по плечам к животу волосами. Света было достаточно, чтобы разглядеть резкие черты девицы. Они придавали её молодости строгость: острый нос, маленький подбородок, тёмные брови и бледные губы. Однако, не смотря на холодную красоту, девица жглась и кололась, словно к Зариславе подкатился горячий уголёк.

Травница моргнула и поднялась, сев в постели, откинув спутавшиеся за ночь длинные волосы. Тусклый утренний свет бил в низкое квадратное окно, озаряя обширную светёлку, в которой на своих уже застеленных опрятно лавках сидели девицы. Было и впрямь ещё рано, потому как горели лучины на столах, освещая лицо молоденькой девицы, круглощёкой и большеглазой. Она сидела с полотном на коленях и иглой в руках - с зари трудится девка. А другая, тощая, как осина, но весьма приятная на вид, тревожно смотрела на гостью.

- Доброго утречка тебе, - сказала эта самая девица ласковым голосом.

Спросонья Зарислава забыла пожелать ей того же, пошарила руками под одеялом, ища оберег, который потеряла во сне. Нашла. Сжала и быстро вернула его в суму, так, чтобы никто не заметил, что именно она прячет.

- Знать это ты травница Зарислава, за которой отправлялась наша княжна? - спросила черноглазая Верна голосом глубоким, но приятным на слух.

Гостья помолчала, не зная, можно ли говорить о том с другими, но коли догадываются, то отнекиваться уже и не резон ей.

- Я, - ответила, оглядываясь на других.

- Опоздала ты, травница.

Зариславу будто холодной водой обдали. Она вытянулась, напрягая каждый мускул.

- А что случилось?

- Вчера Тризну[2] справили по князю. Горислав ныне в Ирий поднялся.

Внутри так и обмерло всё, приросла к лавке, задеревенев.

- Как? Не ошиблась ли ты?

Девушка фыркнула.

- Весть эта уже по всем острогам гуляет. Радмила весь день тебя всё ждала, так разволновалась. Едва уснула, пришлось трав сонных заварить.

Холодок пробежался меж лопаток - весть о Гориславе потрясала. Как же теперь людям Волдара без князя? Кто ныне правит там, если княжич Данияр не в себе?

- Какое горе - отца потерять, - сказала круглощёкая девушка, ловко работая над полотном иглой.

- Да, княжича жаль, - согласилась Верна, задумавшись. - Поэтому Радмила и ждёт тебя не дожётся, как можно скорее хочет в Волдар попасть.

Зарислава заёрзала, хотелось больше узнать о княжиче, и про Вагнару, ту, что так крепко смогла присушить к себе Данияра. Но одёрнула себя от любопытства. Зачем спрашивать, коли скоро сама всё узнает и увидит своими глазами. Однако слишком Верна разговорчива, для простой служанки больно много тужится за Радмилу.

- Терем княжеский большой, - перевела взор травница на челядинку, начиная расспрос свой издали.

- Да огромен, много слуг у нас. В этой светлице только помощницы её живут. За нами Благиня присматривает. Есть ещё девки, но те самой княгине Ведогоре, матушке Радмилы служат, - Верна кивнула на лавку, где сидела долговязая челядинка. - Это Селяна - стряпуха. Рогнеда - рукодельница. Я помощница Радмиле, мне доверяет она во всём, - ответила без запинки и твёрдо Верна и вдруг под села ближе, коснулась легонько руки Зариславы, заглянула в глаза.

- А ты правда сможешь княжича исцелить? - спросила она, будто только об этом и помышляла.

Глаза челядинки в темноте были непонятного цвета, но явно тёмные, даже жутковатые. Травница опустила ресницы, сжимая под одеялом кулаки. Ну вот, уже прознали, кто она. А ведь Ветрия предупреждала помалкивать, но как тут смолчишь...

- Я постараюсь, - ответила она.

Ещё нужно понять, что за заклятие напускает Вагнара на душу княжича. А на это много сил, времени и терпения нужно иметь.

- Ты уж постарайся. Только на тебя надежда, - Верна отвела взгляд свой ведьмовской, помолчала, задумавшись о чём-то. А затем встала.

- Поднимайся, - велела она так, будто Зарислава находится в её подчинении, и пошла к своей постели.

Гостье это крайне не понравилось. Однако спорить и пререкаться с челядинкой было бы не разумно с её стороны. В первый день своего пребывания в Доловске ни с кем не хотелось ссориться.

- Ты пока переодевайся, трапезничай, а я пойду, извещу Радмилу о твоём приходе, - сказала Верна, копаясь в своём сундуке.

Зарислава засмотрелась, как челядинка ловко справляется с платьем и волосами, свивая их в косу. Верна преображалась на глазах, а в светлице становилось всё ярче. И теперь травница смогла рассмотреть её хорошенько. Волосы её были не то, что темны, а черны, как вороново крыло, и заплетённая коса напоминала Зариславе ужа. Глаза карие, тёплые, и на узком белом лице брови соболиные чернели, приковывали внимание. Больше всего удивило убранство служанки, в которое она так ловко облачилась - просторное платье, повязанное тонким пояском под небольшой девичей грудью, подол, ворот и рукава искусно вышиты серебряной нитью.

Для челядинки Верна выглядела весьма недурно. Видно и правда жалует её княжна, раз так наряжает. А может, полюбовник есть знатный да богатый, дарит ей подарки дорогие. О втором хотелось думать меньше всего, и, мазнув её взглядом, Зарислава отвела глаза, сдёрнула с себя одеяло и опустила ступни на прохладный с ночи пол.

Верна пошла к двери точно так же, как и Радмила, неспешно, поводя бёдрами.

И как только она исчезла за створкой, Рогнеда спрыгнула с лавки.

- Ну и зануда. Слава Богам, ушла!

Зарислава, пряча улыбку, встала с постели и прошла к сундуку, по обычаю откинув крышку. Вытянула льняное платье золотистого цвета. Сквозняк, что залетал в окошко с улицы, смахнул с лица остатки сна.

Значит, Верну сожительницы недолюбливают, и Зарислава не ошиблась в том, что не нужно болтать с ней лишнего. Ведь и сама княжна Радмила не пришлась ей по душе, да и Ветрии поди тоже. А потому стоит вести себя весьма осмотрительно и разумно, как и наставляла её волхва. Быть в стороне, наблюдать и делать своё дело, ни во что не впутываясь.

С этими мыслями она облачилась в платье, подвязалась пояском, прошла к лохани, которая стояла у двери, отёрла прохладной водицей лицо, промокнула его висевшим на крючке белоснежным рушником. Зарислава чувствовала, как затылок жгли любопытные взгляды челядинок. Не выдержав, она обернулась.

- Пойду воздухом подышу, - только и сказала, шагнув в приоткрытую дверь.

Дорогу к выходу она нашла только по крикам раздражающего горло петуха, они и вывели к уличной двери. Ступила на крыльцо, и ей открылся погружённый в утренний сумрак двор. Но не тот, на котором она была минувшим вечером.

«А, какая разница».

Вдыхая прохладный чистый воздух, вслушалась в пение птиц - под утро они немыслимо шумны и певучи. Помимо их заливистого щебетания слышались иные звуки: отовсюду кричали петухи, лаяли цепные псы, мычали волы в стойлах, что раскинулись на хозяйском дворе в длинный ряд. Жилая башня, в которой оказалась Зарислава, примыкала к самой теремной княжеской хоромине, от которой отделялась, что скалой, толстым обтёсанным частоколом. Зарислава догадалась, что прямо за ним иной ход и двор, чище и наверняка просторнее - по нему только знать ступает.

Однако не врут люди - высок и могуч острог с его мощным тыном, по которому снуют стражники, вглядываясь в лесные и речные с восточной стороны дали. С обилием хлебов и ремесленных пристроек, которых тут бесчисленное множество. С сотнями клетей, в коих, право, можно и заблудиться белым днём.

Постояв в раздумьях, Зарислава любовалась, как тусклое золото солнца становится ослепительно белым. Теперь свет обливал бревенчатые крепостные стены, утопанный копытами хозяйский двор, макушки островерхих башен и изб дружинников. Острог пробуждался, и на двор лениво один за другим стали выползать дружинники, оголённые по пояс и с мечами в руках. Зарислава отступила в тень, прячась за косяк дверного проёма. Никак прямо на дружинный двор попала? Девке молодой здесь не место. Дёрнулась было, чтобы вернуться обратно

в светёлку, но от чего-то задержалась, словно сжали её невидимые руки и не пускали. Травница смотрела, как юноши, разминая спины и руки, начали тренироваться. Позабыв обо всём, она невольно зачаровалась игрой их мышц на руках и плечах. А как гибко и умело молодые воины отражали удары, двигаясь плавно и бесшумно, словно лесные звери, напряжённые, готовые в любой миг кинуться на противника. И Зарислава поймала себя на мысли, что просто стоит и любуется ими, их телами и красотой. Она сжала до боли руки в кулаки, отвела взор. Прислонилась к стене спиной и затылком, прикрыв глаза.

Нет, какое ей дело до них. Уже решила и знает, чего хочет.

Но, постояв, девица снова подалась вперёд, выглянула, поймав в отблеске света среди кметей светлую макушку. Её мгновенно обдала жаром, мелькнуло в сознании узнавание. По гибкости лоснящегося загорелого тела Зарислава угадала Пребрана. Она смущённо увела взор, глядя в прозрачное, не замаранное облаками небо.

Вчера кто-то проговорился, что у него есть возлюбленная. Интересно было бы взглянуть на неё. И тут-то травница подумала о Верне. О её нарядах и сияющих явно от любви глазах.

Дрожь прокатилась меж лопаток, Зарислава обняла плечи, сознавая, что ступни её босые застыли. Жара днём, но под утро, как опускалась обильная роса, становилось прохладно.

«Нужно уходить, пока не заметили, а то ещё подумают невесть что. И будут правы».

- Что ты тут делаешь?

Зарислава даже вздрогнула от неожиданности, обернулась.

Верна, удивлённо осмотрела её, потом перевела взгляд на разминаящегося внизу лестницы Пребрана, нахмурилась, сверкая на травницу колющим ревнивым взглядом.

И по лицу служанки Зарислава всё поняла. Она и есть его возлюбленная.

- Одну тебя никак нельзя оставлять. Пойдём со мной, - велела Верна, и в раздражённом голосе её травница уловила толику презрения.

«Какое право она имеет обращаться с гостьей, как со своей собственностью?»

Но подавив злость и поскрежетав зубами, Зарислава переступила через свою гордость, последовала за челядинкой. Однако поведение девки нравилось гостье всё меньше - та, не удостоив вниманием, вела её через длинные переходы. Ну, ничего, она потерпит. В конце концов, Зарислава приехала не для того, чтобы дружбу заводить со служанками, и, чего лихого, наоборот, соперничать, а для того, чтобы заработать право быть достойной перед Богами и стать жрицей. И она ей станет.

Зарислава шла за челядинкой через клетки и двери с низкой притолокой, ступила на лестничную площадку. И вдруг вспомнила, да поздно, что волос-то так и не успела расчесать. И гребень свой оставила в светёлке. Она не нашла иного выхода, как наскоро, пока не смотрит на неё Верна, свить их в жгут, который был толщиной с кулак, да откинуть за спину.

[1]

Виклина - ботва.

[2]

Тризна - у древних славян, обрядовое действие и пиршество в память умершего.

Глава 5. Марибор

Глава 5. Марибор

Челядинка уводила вглубь хоромин. Зарислава так и потерялась, не разумея, в какой части терема они сейчас находятся, и где остался чертог, в котором ночевала.

Остановились подле двери с низкой притолокой, Верна постучала, а потом заглянула внутрь и захлопнула створку обратно. Знать княжны не оказалось там, о чём Верна тоже не сказала травнице. Они снова спустились вниз, пройдя по ещё одному сумрачному пустому переходу, оказались возле других дверей, куда более широких и тяжёлых, обитых кованым узорно железом. Верна с усилием толкнула одну створку и вошла внутрь. Зарислава нырнула за ней и оказалась в темноте, но сразу заметила резные столбы, что подпирали сводчатые потолки. Посередине возвышался длинный дубовый стол, за которым могли разместиться все деревенские из Ялыни. Травница в мутном утреннем свете разглядела поблёскивающие чаши и кубки из бронзы и серебра, что были уже расставлены на столе для утренней трапезы. Такую посуду довелось повидать Зариславе однажды, когда к Ветрии за помощью приехал купец. За то, что волхва вернула здоровье его жене, он отблагодарил матушку вот такой диковинной посудиною с узорной чеканкой. Ветрия подарок приняла, но потом всё равно обменяла у кузнеца на нужные по хозяйству вещи - топор и серп.

Стол был заставлен такими же тяжёлыми с толстыми ножками дубовыми резными креслами с высокими спинками. Здесь, поняла Зарислава, должна была трапезничать княжна Радмила, но и тут, кроме челядинок, что накрывали на стол, её не оказалось.

Верна расспросила служанок, и уже они благо указали, где была нынче княжна. Покинув кров, они поднялись на крепостную стену по бесконечным ступеням, уходящим вверх, на смотровую вежу. После тёплых хором в башне ощущалась зыбкая прохлада, ко всему было сумрачно и пахло влажной древесиной. Мрак разгоняли только полосы света, лившиеся в редкие прорубленные в стенах оконца. Когда Зарислава шагала через них, то прищуривала глаза от ослепительной зари, бившей в прорубы. Вскоре они ступили на площадку под тесовой крышей, в поток рассветных лучей, пошли по открытому переходу тына, встречая на своём пути стражников. Те, завидев двух молоденьких девиц, улыбались, но не говорили ни слова, уступали дорогу, позволяя им идти дальше.

Зарислава смотрела по сторонам, любясь на раскинувшиеся у подножия стен избы, высокие частоколы и многочисленные постройки с широкими и не очень дворами. А дальше тянулись бесконечные изумрудные лесные дали с поймами голубых рек и озёр, тонувшие в утреннем тумане.

В Ялыни деревня тоже простиралась в низине, но здесь дух захватывало от красоты, величия и высоты, даже голова закружилась, и Зарислава, отведя взор, посмотрела вперёд, на спину Верны, вдоль которой лежала чёрная, как смоль, коса. Не заметила, как приблизились к очередной башне, где и стояла, положив ладони на брусья, княжна Радмила. Задумчивый взгляд её был устремлён вдаль, но, завидев краем глаза спешно приближающиеся к ней силуэты девиц, она повернула голову.

Помнится, когда Радмила сидела подле матушки-Ветрии, моля волхву о помощи, она была куда живее, нежели теперь: лицо бледно, а глаза бесцветно серы. В серебристом опашне, рукава которого спадали до земли, княжна выглядела стройнее. Волосы по-простому сплетены в косу.

Она равнодушно скользнула взглядом по Зариславе и обратилась к Верне.

- Ступай, оставь нас.

Челядинка расправила плечи, будто её пихнули в спину. Видно не ожидала, что Радмила отправит её так скоро назад. Впрочем, она не смела пререкаться с хозяйкой, опустила глаза, преклонила чернявую голову, развернулась и, пронзив Зариславу колким взглядом чёрных, как уголь, глаз, пошла прочь.

«Не успела прибыть, а уже нажила себе неприятельницу», - подумалось с грустью Зариславе.

Радмила приблизилась и посмотрела её в глаза.

- Как добралась?

- Хорошо, - ответила травница просто.

Радмила сжала губы, дрогнули в улыбке краешки рта и снова разгладились.

- Меня уже оповестила Благиня, что ты вчера ещё явилась. Вот, ждала тебя. Готовы травы твои?

Зарислава кивнула.

- Славно, - снова дрогнули губы в будто робкой, несмелой улыбке.

Княжна была встревожена, но чем? Зарислава не разумела, и холодная зябь от нехорошего предчувствия скользнула снежной крупой по незащищённой шее и спине. Наверняка ещё сомневается в силах её.

- Князь Горислав...

- Я знаю, - отозвалась Зарислава. - Мне Верна сказала.

- Да, - Радмила приблизилась и посмотрела в упор, и только тут гостья поняла, как волнуется молодая невеста. - Теперь ты понимаешь, насколько это всё важно для меня стало? Отныне Данияр князь Волдара...

Ветер, подхватив сказанные слова, скользнул под крышу, всколыхнув волнистые песочные пряди, выбившиеся из косы Радмилы, заиграл с ними озорно. Княжна подняла глаза к небу на миг и тут же вернула удушливый взгляд серых, как кварц, глаз на Зариславу.

- После смерти князя Горислава я боюсь, что его сын откажется от меня, боюсь, что разлюбил... - не стала таить и прятать свои помыслы княжна. - А мне нужно его сердце и любовь. Нужно, чтобы вспыхнуло желание обручиться со мной. Если он откажется от меня, то мой отец ратью пойдёт на Волдар, которому перед такой силой не выстоять. Я же хочу всё миром решить. Не желаю ни чьей смерти...

Радмила жгла взглядом, но где-то в глубине его таились отчуждение и холодок. Она на всё пойдёт ради возлюбленного.

Зарислава на краю сознания почувствовала неладное, но это быстро испарилось из досягаемости.

- И я хочу, чтобы ты мне в этом помогла. Не просто вывести яд колдовства Вагнары, а приворожить.

Зарислава напряглась.

«Верно спутала Радмила что-то».

- Я травница, а не колдунья. И не иду против чужой воли.

Радмила в свою очередь, вытянулась, и глаза стали ещё холоднее, она усмехнулась.

- А какая в том разница? Всё одно, так же шепчете на воду, жертвы и подношения приносите. Это у вас в крови.

Зарислава сглотнула, слова Радмилы задели. Ни разу её никто не упрекал в том, и следует она честности и правде.

- Жертвы можно разные приносить - хлеб и зерно, к примеру. А крови я не проливаю. Князю верну дух, от морока избавлю и силы восполню, но... Колдовать не стану. Я травница, - повторила отчётливо Зарислава, чувствуя, как мутным осадком оседают слова Радмилы на душу.

- Даже если одарю? - не отступала княжна, оглядывая Зариславу с ног до головы, задерживая взгляд на босых ступнях, но глядела не с презрением, как Верна, а с чувством и заинтересованностью. - Коли сможешь, за это что хочешь проси. А мне такие люди, как ты, нужны. Поблизости и нет ведьм путных, ныне все разбежались они по лесам. Что толку от их помощи, коли прячутся они? Если не хочешь золота, то могу похлопотать о будущем твоём. Сестрой своей назову, за князя какого из соседних острогов замуж пойдёшь. Что тебе там делать, в глуши озёрной? А ты ведь не дурна собой. Пропадёт зазя красота.

Зарислава рода не знатного, а посему судьбой начертано, коли уж идти замуж, то за такого же простого молодца. И окажется им Дивий, если она не вернёт к былой силе князя, если не пройдёт испытание, что послала ей Славунья.

Как бы поступила Ветрия? Помнится, волхва говорила, что при просьбе о помощи никогда она не давала отказа. Но Радмила просит не о помощи, а о принуждении, о том, за что потом будет расплачиваться не княжна, а Зарислава. И никакое золото не поможет смыть жертвенной крови с души.

- Я не хочу причинять вреда князю. Только травами волшбу сотворю, помогу возродить и пробудить дух, - сказала Зарислава как можно доходчивее, в упор глядя на Радмилу.

Княжна посерела. Видно не по душе пришёлся ей ответ такой. Ей, наверное, никто никогда отказа не давал, но чёрных деяний Зарислава в жизни не сотворит, пусть её хоть сам князь молит.

- Я боюсь, что Вагнара получит своё, - подумав, ответила Радмила. - А сейчас особенно мне боязно, после смерти князя Горислава.

Облизав ставшие внезапно сухими губы, травница посмотрела вверх, на звенящее чистой небо, не замаранное ни единым облачком. Всё же, как учила матушка, в любом деле спешка ни к чему путному не приведёт.

- Сперва узнаю, чем Вагнара поит князя Данияра. Если это тёмное колдовство, то выведу из крови. И тогда пелена сама спадёт с глаз, пробудятся его чувства. Поэтому не нужно торопиться. А если станешь ещё колдовать, то князь долго не протянет, вслед за правителем Гориславом уйдёт...

Радмила занемела, внимательно выслушала, и видно, дошли слова до её встревоженного разума, кивнула, соглашаясь.

- Хорошо, - сказала она, успокаиваясь, высвобождая Зариславу из-под своего душащего взгляда. - Я даже рада, что ты поехала. С тобой сговориться легче, чем со стар... - Радмила оборвала себя на полуслове и договорила уже мягче, - волхвой. Только гляди, об этом разговоре никому ни слова. Я вижу, что ты благоразумна. Коли князь Данияр вернётся ко мне, знай, можешь на меня полагаться. После обручения возьму тебя с собой в Волдар, станешь людям помогать под моей защитой и опекой, - сказав всё это, княжна свободно выдохнула. - Надеюсь, венчание моё будет в скором времени.

Не обмануло предчувствие Зариславу, разговор и впрямь тяжёлый вышел. Но всё же выдохнула с облегчением - удалось вразумить Радмилу не совершать чёрного деяния.

Травница посмотрела вниз, обдумывая то, что сейчас предлагала ей княжна. Ничего из этого ей не нужно.

«Уже всё решено...»

Стояли каждая погружённая в свои мысли. Зарислава блуждала взглядом по двору, рассматривая широкие ворота, через которые вчера она въехала вместе с Бойко и Вершатой.

- Значит, Вагнара - дочь Всеволода, князя сарьярьского острога? - спросила Зарислава, обращаясь к притихшей Радмиле. - Как она смогла попасть в детинец Волдара?

Радмила глянула на неё, сверкнув колючим взглядом.

- Хитростью. Слухи ходят, что якобы её отец погнал из острога, будто она провинилась перед ним в чём-то. Она с горяча и ушла, попала в плен к степнякам. А те как раз шли через лес

да наткнулись на дружину князя Горислава, произошла стычка. Горислава стрелой ранили, но волдаровцы отбились, заодно и вызволили из плена сарьярьскую девку. Вагнара напросилась остаться в княжестве на время, пока её отец не смиростивится, назад не позовёт. До сих пор вот и живёт. Прицепилась к Данияру что репей, - процедила сквозь зубы Радмила, сдерживая раздражение. - Позарилась на целую крепость, надеется, что князь под венец её возьмёт.

Зарислава отвела глаза. Вмешиваться в их дела она не желала, да и не интересны ей такие подробности.

- Завтра отправляемся в Волдар. Управишься за седмицу?

Гостья кивнула. Если Боги поспособствуют, то и трёх дней хватит.

- Только Вагнару сослать из крепости нужно, чтобы она за старое не взялась, - предупредила Зарислава. - Иначе не будет в том помощи, если Вагнара за старое примется, вред чинить станет.

Радмила сжала губы.

- С этой ведьмой я разберусь, - процедила она сквозь зубы, сузив глаза, и, поглядев вниз, застыла.

- Кто это там?

Травница, проследив за взглядом Радмилы, удивилась, когда увидела у ворот скопище всадников.

Ни много ни мало с полдюжины, в броне и вооружённые. К ним со всех концов двора спешили кмети. Один из прибывших выдвинулся вперёд. Отличался он ото всех тем, что на плечи его был накинута бурый плащ с волчьим мехом, а волосы его были черны, как грива вороной масти мерина под ним. Зарислава, прикованная к гостю взглядом, не заметила, как княжны не оказалось рядом. А когда огляделась, та уже бежала во всю прыть по переходу. Травница, не мешкая, последовала за ней. Нагнав Радмилу, поравнялась. Княжна, казалось, совсем потеряла цвет, обledenела, перешла на шаг. Глянула на Зариславу.

- Это волдаровские кмети, а с ними Марибор. Оставайся подле меня.

Зарислава сразу смекнула, что Марибор это тот, черноволосый.

- А кто он?

- Марибор - брат Горислава. Разве ты не слыхивала о нём?

«Конечно, нет», - хмыкнула про себя Зарислава. Она и о Доловске ничего не знала до недавнего времени.

Спустившись по той же длинной лестнице, какой недавно вела Зариславу Верна, вместе они прошли хозяйский двор и очутились на дружинном.

Марибор вблизи был куда более могуч, нежели издали. Чёрные смоляные волосы сбивал ветер, лишь собранные у висков непослушные пряди завиты в косицы и связаны на затылке. Усы и проступившая щетина бороды обрамляли сухие жёсткие губы. Длинный нос с узкими крыльями ничуть не портил вида молодого воина, а даже наоборот подчёркивал резкость его черт. Он спешил, осмотрел холодно и колюче Радмилу синими, как иней, глазами. Передав конюшенному своего породистого коня, Марибор переговорил о чём-то с кметями и воеводой и заспешил к задеревеневшей в ожидании Радмиле.

Зарислава заметила, как подрагивают пальцы княжны от волнения.

Гость остановился в двух шагах. Пристально посмотрел с вершины своего роста на Радмилу, и та, хотя вовсе не была стройной, рядом с ним показалась молодой ланью.

- Доброго здравия тебе, княжна Радмила, - проговорил он спокойным глубоким голосом.

Зарислава, стоя чуть поодаль, ощутила, как к ней прихлынула стылая волна воздуха, а тело пронизали тугие удары, будто её окропили ледяным дождём. Она замерла и постаралась не выдавать своего присутствия.

- И тебе по добру, - отозвалась Радмила, плотно сжимая губы, видно, тоже волновалась.

Перед таким и невозможно не заволноваться, один взгляд чего стоит - глянет, и забываешь, как дышать.

- Я прибыл к вам по поручению своего нерадивого племянника. Ныне кроме меня некого более послать с делом важным.

Радмила сжала челюсти, силясь выказать свою твёрдость и хладнокровие, но у неё мало выходило. Она стояла, как только что слепленная из глины баба - мягкая и податливая, только тронь, и растает в руках.

- И что же за поручение?

- Передать низкий поклон и извинения, - с этими словами он согнулся в поясе, касаясь ладони своей сильной груди в знак добродушия и почтения.

На лице Радмилы напряжённо дёрнулись желваки, но глаза её просияли, а на щеках пятнами стал проступать румянец. Зарислава отчётливо разглядела, как княжна разомлела. Много ли надо, коли сердце рвётся к любимому?

- Что же князь сам не явился?

- Данияр не в силах прибыть, по здоровью. Да и пока не может оставить народ, после того, как мой брат... - Марибор замолк и скользнул взглядом на землю, а затем неожиданно на стоявшую поодаль заледеневшую девицу.

Зарислава вздрогнула, столкнувшись с синими льдинками глаз, будто её пронзили ножом, и по спине вниз скользнула стужа. Под взглядом Марибора она вытянулась. Но гость быстро отвёл от неё глаза, будто увидел не живого человека, а столб, выросший не к месту посередине двора. Внутри Зариславы всё всколыхнулось от обиды. Хотя в том виде, в каком она сейчас пребывала, на неё не поглядел бы даже Дивий, не то, что княжеская знать. Да и с чего это вдруг стало для неё это так важно?

- Радмила!

Они повернулись, все трое, в сторону крыльца. Из широкой двери навстречу гостям вышел правитель Доловска. Зарислава догадалась, что это князь Вячеслав, узнала по богатой одежде.

- Так что передать ему из твоих уст? Приедешь в Волдар? - спросил Марибор, и вся твёрдость и суровость схлынула с его лица. Он улыбнулся краешком губ, синие глаза лукаво сощурились.

Радмила вздёрнула подбородок.

- Я принимаю его извинения, - тихо и торопливо сказала она, зардевшись. Явно Марибор застал её врасплох. - Но о приезде обсуждай с моим отцом.

Княжна, умолкнув, развернулась и пошла к порогу.

Зарислава поспешила вслед за ней, ни на миг, не желая оставаться наедине с Марибором. Ступая по нагретому солнцем пыльному двору, она ощущала всей кожей блуждающий по её телу стылый взгляд гостя, и что-то дёрнуло её обернуться. Глянула через плечо и столкнулась с такими же слегка прищуренными синими глазами, но ухмылка исчезла. Марибор смотрел на неё тягуче и внимательно. Зарислава, вспыхнув, мгновенно отвернулась, отчаянно захотелось ей во что бы то ни стало спрятаться от этого пронизывающего, как стылый ветер, взгляда.

Князь Вячеслав оказался рослым и статным мужем с чёрной бородой и усами, что обрамляли его тонкие губы. Он осмотрел дочь суровым взглядом, кивнул в сторону двери. Радмила прошла вглубь терема, повинувшись воле отца. Зарислава поспешила было за ней, надеясь остаться незамеченной, да видно, зря. Встретившись с удивлённым взглядом доловского князя, остановилась и быстро преклонила голову, приветствуя его. Тот принял на себя прежний суровый вид, тоже кивнул, и травница заспешила за Радмилой, кинулась в сумрак хоромин, успокаиваясь, унимая дёргавшееся сердце в груди. Конечно, князь Вячеслав не ведаёт, какие мысли роятся в голове его дочери. И Зарислава в какой-то степени почувствовала себя неправильно от того, что стала невольной носительницей тайн и душевных терзаний Радмилы.

Княжна, поманив Зариславу, повела её через переходы наверх. И когда они оказались в залитой солнцем светлице, Радмила смогла перевести дух, схватила Зариславу за руку так, как будто она была ей близка и, только в ней было спасение, потянула на лавку, принуждая присесть рядом с ней. Но только она намеревалась заговорить, как дверь отворилась, и в чертог ступила женщина, одетая так же нарядно, в расшитый опашень, но только на голове был повой. Княжна привстала.

- Радмила, я всё жду тебя в трапезной, где ты ходишь?

- Матушка, Марибор приехал. Князь Данияр просит меня назад в Волдар, желает поговорить... - обрушила княжна на Ведогору весть.

Княгиня только упрямо сжала губы. Зарислава отметила, как были похожи они меж собой. Такая же богатая грудь, узкая талия, широкие бедра.

- А это кто тут у тебя? - спросила она, обращая взгляд на девицу, видно опасаясь, что дочь откровенничает в присутствии чужачки.

Зарислава привстала, слегка преклонила голову, как она делала это перед князем.

- Это травница из Ялыни. Моя помощница. Я тебе уже говорила о ней.

Княгиня снова глянула на гостью, на этот раз с ещё большим любопытством и недоверием.

- Я думала, она будет намного старше... - бросила она небрежные слова в сторону девицы и, больше не удостоив вниманием Зариславу, повернула голову к Радмиле. - Ну что ж, коли ты уверена...

- Уверена, - перебила её дочь.

- Хорошо. Раз так всё срослось, поедим, проведем князя. Я во всём тебя поддержу. Надеюсь, как только всё разъяснится, отгремим свадебный пир. Поскорее бы благословение дать, а то уже по округе слухи невесть какие ходят. И так затянулось уже венчание, не к добру, - сказала Ведогора и отступила, снова напряжённо поглядев на Зариславу такими же серыми, как у Радмилы, глазами.

- Что ж, пойду гостей встречать. И ты выходи к ним, долго не сиди в чертоге, - матушка Радмилы вышла, тихо притворив за собой дверь.

Когда она ушла, с души будто камень свалился. Зарислава даже плечи расправила. Но тут перед внутренним взором её предстал взгляд Марибора, и она ненароком дёрнула плечом.

- Значит, у князя Горислава есть брат? По летам и не скажешь, за сына бы сошёл.

Радмила не сразу поняла, о ком говорит Зарислава.

- Да, они очень похожи с Данияром, их даже иногда путают. В Славера пошли оба. Но матери у Марибора и Горислава разные...

Зарислава невольно отвела взор, неловко стало, уже и пожалела, что спросила, но Радмила продолжила:

- Славер на исходе своего века влюбился в молодую девицу... Она родила ему дитя и бросила, ушла к своему народу. Марибору тогда восемь зим было. Он тоже сбежал, последовал за матушкой. Это случилось зимой, думали, что сгинул в лесу, замёрз, но через семь лет Марибор вернулся к отцу. Князь Славер признал его, хоть на тот момент родился наследник от старшего сына Горислава, Данияр.

Закончив короткий рассказ, Радмила взглянула на притихшую собеседницу.

- Но лучше не попадайся княжичу на глаза, - княжна смерила Зариславу строгим и в то же время смеющимся взором. - Он ведь вон какой... оглянуться не успеешь, как окажешься в его... - Радмила нарочито кашлянула в кулак и спросила хитро: - А ты ведь не такая?

Зарислава, казалось, покраснела до кончиков ушей. У неё и в мыслях не было подобного, да и спрашивала она не потому, что он приглянулся, но Радмила, видно, подумала именно об этом. Сбросив неуместное смущение, травница не стала более расспрашивать о Мариборе, решив не вспоминать об этом разговоре.

В светёлку явилась Верна, и Радмила отправила Зариславу назад к Благине, наказав собираться в путь и ожидать её.

Дорогу в башню Зарислава запомнила хорошо, потому шла быстро, спешно минуя теперь уже распахнутые двери трапезной, где и начали собираться прибывшие гости, рассаживаясь вдоль длинного стола. Значит, будут делить братину и вести разговоры.

«Стало быть, князь Данияр опомнился и решил помириться с Радмилой. Вот и хорошо, теперь будет легче...»

В светёлке Зарислава обнаружила только Рогнеду, которая по-прежнему трудилась над рубахой. Верно, так и сидела с зари, глаз не поднимая. Когда Зарислава притворила дверь за собой, челядинка вскинула голову, встретив травницу удивлённым взглядом.

Пройдя к своей лавке, подхватив гребень и присев на краешек расправленной кем-то из девок постели, гостья принялась неспешно расчёсывать волосы, сетуя, как небрежно выглядит и как, наверное, посмеялся водаровский княжич, узрев её в таком виде. Однако его холодный взгляд не оставлял Зариславу, и ей мерещилось, что он до сих пор за ней пристально следит. Её щёки вспыхивали, когда она вспоминала слова Радмилы.

«Он ведь вон какой, оглянуться не успеешь, как окажешься в его...»

За кого княжна её принимает? Зарислава гадала, уж и впрямь ли позаботилась Радмила, или же сомневается в её честности, да так и не могла понять. Но успокоилась быстро - им-то неведомо, какая судьба уготована ей.

Рогнеда, понаблюдав за травницей со своего места, вдруг отложила рукоделие, заговорила:

- Верна дуется на тебя.

Зарислава, опомнившись от своих дум, бросила на челядинку короткий взгляд. Она ни в чём не виновата перед Верной, а кривотолки и до Рогнеды дошли.

- Теперь переживает за любимого своего, Пребрана, - разъяснила та.

- А чего ей переживать за него? Я надолго тут не останусь, - сказала травница, продолжив скользить по волосам гребнем.

Послышался шорох, и когда Зарислава повернулась, челядинка стояла уже рядом. Она слегка склонилась и прошептала:

- Княжич Пребран ведь поедет сопровождать Радмилу.

Зарислава так и замерла с гребнем в руках. Не поверила своим ушам.

- Кто Пребран? Княжич? - выдохнула она.

- Ты разве не знала о том? Он старший сын князя Вячеслава, а младшему девять только зим будет.

От лица так и отхлынула кровь, а руки безвольно опустились в подол платья. Конечно, откуда она могла слышать, что у доловского правителя есть сыновья. И не подумала бы о том. А Пребран вёл себя... Именно так и вёл - свободно и смело, как и подобает княжескому сыну. Так что же получается, княжич с холопкой любитесь?

Рогнеда спохватилась:

- Давай, помогу.

Она попыталась взять гребень из ослабевших пальцев Зариславы, но та отдернула руку, не привыкла, чтобы ей кто-то плёл косу.

- Не нужно.

- Как знаешь, - не стала возражать челядинка, вернулась к своему полотну.

Зарислава, отложив гребень, подхватила широкое очелье и, стянув им голову, завязала на затылке тесёмки, рассыпав по плечам густые волосы, что платом укрыли её спину. Теперь нужно бы заняться вещами, но за дверью послышался шум, и в чертог вошла Благиня вместе с Селяной, в руках которой был широкий поднос с кринкой кваса и противнем с крупными, размером с ладонь, запечёнными окунами.

- Радмила велела накормить тебя досыта, - оповестила Благиня, выдвигая из-под стола длинную скамью. - Садись, уже полдень близится, а у тебя и крошки во рту не было.

Есть не очень хотелось, но Зарислава не стала оказываться и присела за стол. Рядом при-
мостились Рогнеда с Селяной. Благиня присела напротив.

Рыбца оказалась такая вкусная, что Зарислава уплела две, запила хлебным квасом с покрошенным в него зелёным луком, душок которого так и ударил в нос. Челядинки, насы-
тившись, отвалились от стола. Благиня собрала остатки еды, вышла наружу. Селяна убежала сразу по хозяйским делам. Рогнеда же снова уселась за полотно.

Зарислава вернулась к лавке, собрала свои скромные пожитки и, прислонившись спиной к стене, прикрыла ресницы, вслушиваясь в воцарившуюся тишину, стала ждать, когда объ-
явится Радмила. Как осталась наедине с собой, внутри заплелось волнение, то ли от того, что ей снова предстоит дорога, то ли от того, что их будут сопровождать Пребран и Марибор, ошупывающий и вождевающий взгляд которого Зарислава поныне чувствовала на своём теле. Надо же было княжне говорить такое о нём, теперь из головы не выходили её слова. А ещё этот Пребран... наверняка Радмила возьмёт с собой Верну, что расстраивало ещё пуще. Вскоре Зарислава поняла, что излишне вперёд времени накручивает себя дурными мыслями, выдох-
нула устало и постаралась больше не переживать ни о чём, даже задремала немного. Так она просидела до самого полудня, пока полоса света, падающая на пол, не переместилась на стену, осветив подол платья Рогнеды. Наверное, посиделки затянулись.

Зарислава оглядела челядинку, уткнувшуюся носом в свою работу. Недолго думая, трав-
ница поднялась, поведя затёкшими от сидения плечами, бесшумно подошла к притихшей Рог-
неде. Рука её ловко порхала над льняным полотном мужской рубахи, зажатым между двумя
деревянными ободками. Зарислава рассмотрела вышитые красными и золотыми нитями чуд-
ные символы, сплетающиеся между собой витиеватым узором. Каждая девица вышивает обе-
режную рубаху для своего суженого загодя до венчания. Зарислава так и не вышила до сих
пор...

- Для кого это? - спросила она, присаживаясь рядом.

- Для князя Данияра, - ответила челядинка, не поднимая глаз, но мягкие щёки окрасил
багрянец.

Зарислава нахмурилась. Что же, княжна даже не удосужилась сама постараться? Какой
Радмиле прок от такой рубахи будет, коли руками чужими сотворена, без тепла и любви? Но
вслух травница ничего не сказала, да и какое ей дело до этого.

За дверью снова послышался топот. На этот раз на пороге появилась Верна. Придавив
Зариславу тяжёлым взглядом к лавке, челядинка прошла к своему сундуку, стала переоде-
ваться, собираясь в дорогу. Значит, не ошиблась травница - поедет Верна с Радмилой.

Как только челядинка собралась, Зарислава поднялась, повесила туесок на плечо, при-
хватив свои вещи в другую руку.

Подскочила и Рогнеда, напрашиваясь проводить их во двор. Подоспели Селяна с Благо-
ней, и всеми вместе они вышли на открытый, залитый солнцем двор, на котором толпились
кмети и нетерпеливо встряхивали гривами кони.

Радмила ждала их рядом с княгиней, находясь немного в стороне от мужского скопища.
Пребран уже поднялся в седло и разговаривал о чём-то с Марибором. В сравнении с ним кня-
жич выглядел совсем юным. Хотя и не раз побывавший в походах, повидавший смерть, он
ещё не потерял своей беспечности и веселья. Заметив Зариславу, княжич посерьёзней, а потом
улыбнулся и долго не выпускал травницу из-под своего пристального взора. Марибор повернул
голову, тоже решив взглянуть, кому было предназначено такое внимание. Сердце Зариславы
бешено подскочило в груди, она быстро отвернулась.

Радмила поманила травницу к себе. Ощушая на себе почти осязаемые взгляды княжичей, та вскочила в седло подведённой к ней конюшим лошади и понаблюдала украдкой, как воины один за другим начали вскакивать в сёдла, поднимая расшитые стяги.

Глава 6. Подарок

Глава 6. Подарок

В Волдар отряд въехал на рассвете следующего дня.

Зарислава, вскинув голову, всматривалась, как прозрачные, почти невидимые глазу лучи света пронизывают чистый воздух, тонут во множестве башен, переходов и уголков твердыни. Длинные холодные тени тянулись по двору, терялись в других тенях, ещё более глубоких и студёных. Бревенчатые стены огромного терема с множеством ярусов возвышались перед травницей горой. Широки были его палаты, и в тоже время пустынным казался он со стороны - нет, стало быть, тут хозяйки, и тепла никакого не ощущается. И всё здесь грубое и массивное, гнетущее. Это не детинец в Доловске, что был для народа домом. И Зарислава поняла, что тут жизнь протекает по-иному...

Воздух дрожал от молчания: не слышны были ни пение птиц, что обычно в раннее время шумны и говорливы как никогда, ни лай собак, ни тревожные стуки молотов кузни, а ведь кузнецы встают чуть ли не до зари. Тишина. Видно, не только крепость скорбит по ушедшей душе Горислава, но и сама матушка-природа.

Только когда Зарислава соскочила с лошади, увидела седовласые головы. Старцы ступили на крыльцо, неспешно сошли по длинной лестнице во двор. Марибор и Пребран почтённо преклонили головы, вслед им и княгиня Ведогора с дочерью.

- Здравы будьте, гости добрые, - отозвался один из старцев, самый высокий, с палкой в руке.

Он и как-то выделялся среди других: плечи его покрывало полотно, сшитое из волчьих шкур, полы спадали до самой земли. Лоб стягивала широкая тесьма, на груди поблёскивали обереги. Ко всему, взгляд старца был глубоким и проникновенным. И скользил он неспешно от одного к другому, пытаясь прощупать души каждого воина, но вдруг остановился и замер на Зариславе. Воздух будто застыл и стал накаляться вокруг травницы, сдавило молчание, слышно стало только, как шуршат от ветерка стяги и плащи воинов.

- Прошу в палаты, - наконец, сказал он. - Ныне утром князю Данияру нездоровится, посему не обессудьте, что не сможет встретить гостей и свою невесту, - и взгляд его потеплел на Радмиле.

Всей свитой вошли в просторную горницу, где их и встретила челядь, намереваясь проводить гостей по палатам, отдохнуть с дороги. И верно, все утомлённые.

Зариславе и Верне отвели полупустой, но тёплый чертог с одним оконцем. Из утвари были лавки вдоль стен, по верху - полати да крючки, вбитые в брёвна, на коих висели рушники. В углу - бадьи и ковши для умывания.

Верна прошла вглубь, повернулась, обратилась впервые за долгое время их пути к Зариславе:

- Где будет твоё место?

Травница осмотрелась ещё раз. И заметила, что сундук, который стоял у окна, был высоким, почти до пояса, на нём удобно будет готовить снадобья. Зарислава кивнула в ту сторону.

- Вон на той лавке.

Верна прошла к другой постели, что у противоположной стены. Видимо, Радмила наказала челядинке, во всём считаться с травницей.

Чернавка тяжело плюхнулась на лавку и вытянула ноги, бросив рядом с собой мешок, закрыла глаза. Видать вымоталась. Оно и понятно, весь путь в напряжении пробыть да за Пребраном следить - это не кур ловить.

Зарислава прошла к лавке и первым же делом стала раскладывать вещи. Сняла туесок и, встав спиной к Верне, откупорила крышку. Огневицы пахнули смесью терпких запахов. Травы оставались зелены и свежи. Больше не беспокоясь, Зарислава закупорила крышку, опустила туесок на дно сундука. Если обычным травам нужны тень и воздух, то купальские огневицы остаются живыми и свежими, будто бы до сих пор растут на лугу. Они питают силу от травницы.

В то время, когда Зарислава сложила одежду, Верна уже переоделась в нарядное платье и теперь спешно переплетала косу. Закончив, она прошла к двери. Зариславе так и хотелось её остановить и сказать, что на Пребрана она не имеет видов, что он не интересуется её, но подумала, что выставится глупой, вовремя одёрнула себя, позволив челядинке покинуть клетушку, не услужив ей ни взглядом, ни словом.

Скользнув взором по только что хлопнувшей за Верной двери, травница выглянула в окно. Из него видны были только кровли и голубое бескрайнее небо. Ещё так рано, не представлялось, чем ей ныне заняться до того, как понадобится она Радмиле. Одной бродить по терему не желалось, хотя кого опасаться? Тех почтенных волхвов, или же Данияра, что ныне за дверью? Пустынно кругом. А вот с Марибором искренне не хотелось сталкиваться...

Зарислава в дороге много размышляла о нём. Должно быть, тяжело жить среди своих, зная, что в тебе кровь рода знатного и простая. Вроде бы и княжич, и имеет своё слово, но для других он, что кость в горле, камень посередине двора, с которым и не знаешь, как поступить - то ли обойти, то ли выкорчевать. Или же молить. Но для последнего слишком велика честь. А потому, наверное, много приходилось ему выслушивать о себе всякого скверного, да быть поруганным народом. Марибор весь путь держался впереди с дружинниками и, слава матери Славунье, более не приходилось Зариславе сталкиваться с ним, как, впрочем, и с Пребраном. Единственный раз княжич подъезжал на своём буре скакуне к матери и только для того, чтобы справиться о её самочувствии, умудрившись подмигнуть Зариславе и улыбнуться Верне. От чего лицо последней, и без того бывшее бледным, стало совершенно бескровным и синеватым. После этого травница остро ощущала веющий от челядинки холодок в свою сторону.

Вдохнув прохладу, плывущую из окна, Зарислава присела на краешек сундука, устало стянула очелье с головы. Ночь выдалась долгой, а всё потому, что провели её в сёдлах. Чтобы успеть добраться к утру, на ночлег не останавливались. Только помыслила об этом, как навалилась дрема. Положив головной убор на сундук, Зарислава соскочила на пол и, пройдя к лавке, прилегла на застеленную войлоком и шкурами постель, закрыла глаза и мгновенно провалилась в сон.

Из забытья её вытянули странные звуки. Зарислава с спросонья не сразу вспомнила, что находится в Волдаре - могучей твердыни, и не сразу различила чьи-то всхлипы. Подле неё кто-то тихонько плакал. Травница оторвала голову от подушки и увидела сидевшую на лавке Верну. Волосы её тёмные облепили взмокшее от слёз лицо, губы дрожали. Заметив, что её соседка проснулась, челядинка затихла резко, отвернулась. Зарислава даже растерялась, увидев горделивую Верну в таком расстроенном виде. Травница поднялась и спросила:

- Тебя кто обидел?

Не надеясь, что Верна ответит ей правду, собрала мокрые от пота волосы, принялась плести косу. Выглянула в окно. Был уже полдень - самая духота.

Вопреки ожиданиям, челядинка повернулась и сказала:

- Княжна Радмила зовёт тебя к столу нынче вечером, на пир.

Зариславу будто холодной водой окатили, сон слетел окончательно. Она поднялась, прошла к бадье, смочив руки в потеплевшей за день воде, отёрла шею и лицо. Вспомнила давний

разговор с Радмилой, случившийся на крепостной стене, тогда княжна пообещала назвать её сестрой. Неужели решила сдержать своё слово?

«Но я ещё ничего не сделала для такого почёта».

Очередной всхлип Верны вывел Зариславу из задумчивости.

- Ну, а ты ревёшь потому, что думаешь, будто я позарюсь на княжича Пребрана? - повернулась она к чернавке.

Та вмиг смолкла, резко повернулась к травнице, глядя на неё замутнённым взглядом. Зарислава приблизилась, присела рядом. Верна, отползла от травницы, будто от гадюки.

- Ошибаешься. Есть у меня любимый, звать его - Дивий.

Взгляд Верны оттаял, она спешно вытерла ладонью щёку. И куда делись надменность и величие? Теперь перед Зариславой сидела обычная девка, рыдающая по своему молодцу. Она напомнила травнице Чарушу, такую же наивную и влюблённую.

- Правда? - спросила надрывно Верна.

- Правда, - ответила коротко Зарислава.

И горько стало, ведь эта юная девица и не думает о том, что всё одно - недолго будут вместе они. Тот тоже хорош - морочит девке голову попусту. Поиграет да бросит.

- А что же, князю Данияру лучше стало? - спросила Зарислава, отвлекая челядинку от своего горя.

Верна кивнула.

- Лучше, - отозвалась она, стирая с лица мокрые дорожки. - Он уже с Радмилой виделся, подарок ей подарил. Извинения просил...

"Вот как..." - отвернулась Зарислава, не зная, радоваться тому или нет.

- Прости меня, коли что, - вдруг заговорила Верна, коснувшись запястья травницы, сжала. - Я думала, что ты... Ну, когда встретила тебя на крыльце... А потом как смотрел на тебя Пребран, подумала, что вы уже встречались...

Зарислава сжала губы и улыбнулась.

- Разве только когда до порога меня проводил, к Благине.

Верна тоже улыбнулась.

Вечер настал быстро, настолько же быстро Зарислава переоделась, на этот раз в самое нарядное своё платье, украшенное вышивкой у ворота и подола. Вот и пригодилось оно. Уж не знала, что затеяла Радмила, но Зариславе пришлось не по нраву решение позвать её за общий праздничный стол. А от того, что рядом будет находиться княгиня Ведогора, так и вовсе немело под сердцем. Что говорить о Мариборе, теперь она точно прикуёт своим нездешним видом его внимание, что совсем не на руку травнице, несколько не забывавшей о том, о чём упреждала её матушка-волхва и сама Радмила.

Сжав Чура в руках, Зарислава освятила себя молнией. Положила оберег под подушку, и вместе с Верной они вышли из клетки на полутёмную лестничную площадку. Спустились вниз, постепенно погружаясь в свет и гул, что доносились из открытых дверей горницы. Но свернули в другую клеть, ведущую к покоям Радмилы. По мере того, как приближались, ноги Зариславы немели, а сердце то сжималось в груди, то бешено прыгало. Никогда травнице не доводилось бывать на княжеских пирах. Непременно отказалась бы от приглашения Радмилы, но не могла отвергнуть её почтения. Как-никак Зарислава хоть и всего лишь гостя из дальних земель, но не дикарка из глухой деревни. Этим она себя и успокоила.

Остановились у двери. С новой силой взыграло беспокойство.

- Чего ты? - осмотрела её Верна. - Пойдём, Радмила уже заждалась поди, - сказала, взявшись за ручку двери.

- Постой, - остановила её травница. - Скажи, а как зовут того волхва, что приветствовал Ведогору?

- Наволод. Его Горислав жаловал более всех, да и сам волхв помогал ему во многих делах и держал князя у самого своего сердца. Другой - Ведозар, он старейшина.

Зарислава выпустила её, и та толкнула тяжёлую дверь, вместе они ступили за порог.

Радмила подскочила с лавки, лицо её не то чтобы сияло, а играло как заря поутру. Серые глаза лучились радостью. Опомнившись, Зарислава повернулась к княгине, что сидела за столом, пронизывая вошедших девиц вязким взглядом. Травница поприветствовала её, склонив голову. Та не сразу, но ответила тем же.

- Считаю, что ты мне послана Богами на удачу, Зарислава, - окликнула её Радмила, расправляя цветастый опашень. - Сговорились свадьбу сыграть на следующей седмице, здесь, в Волдаре.

Сдержано улыбнувшись, Зарислава ответила:

- Рада за тебя, княжна.

- Это ещё не всё. Есть у меня весть одна для тебя.

Зарислава закаменела. Чувствуя, как потяжелели все мышцы её тела, она мелькомглянула на Верну, которая мгновенно помрачнела. Травница не осмелилась посмотреть на Ведогору, представляя, что прочтёт на её лице.

- Да, княжна, слушаю тебя, - разговор становился воистину неловким.

- Запала ты в душу воину одному. Уж так ты ему понравилась за время пути...

Пол так и ушёл из-под ног. Краем глаза она держала во внимании побелевшую Верну.

- Ты Марибору Славеровичу приглянулась сильно.

Зарислава так и открыла рот, хотелось возразить, да язык будто отнялся. Челядинка, стоявшая поодаль, казалось, упадёт без чувств от облегчения, что этот воин не оказался её Пребраном.

- Нет, тебе, верно, показалось, княжна, - мотнула головой Зарислава.

- Как это, показалось? - возмутилась Радмила. - Про тебя всё вызнать пытался, всё спрашивал откуда ты и кто. Сказал, что такую девицу, как ты, взял бы в жёны. По-моему, для тебя достойный жених. Видишь, как боги сплели дорожки наши? Говорила же я, что ты сестрой мне назовёшься, вот и случилось всё так, теперь породнимся. Я даже рада такому исходу, - лепетала Радмила, и слова её казались нелепостью, ведь упреждала опасаться его, а теперь что говорит?

- Я травница, - оборвала её Зарислава.

- И что с того? - резко отозвалась Радмила и тут же смягчилась. - Это же хорошо. Невеста, да ещё и ведающая, - она приблизилась и сказала тихо: - Он сватается к тебе, понимаешь? Ты ему очень приглянулась, невестой видит тебя, не девкой распутной, - глаза Радмилы оживлённо заблестели, и она покосилась на Верну, та в свою очередь понурила голову.

Зариславе хотелось закричать, достучаться до княжны, рассказать, что она станет жрицей, напомнить, что тут она только для того, чтобы исцелить князя Данияра. Но вовремя опомнилась, не для чужих ушей откровенность эта, особенно не для княгини Ведогоры, которая стояла рядом и слушала всё. Да и выпрашивал Марибор только, ведь не значит - посватался, а разговоры можно разные вести. Вот Радмила на радостях и придумала себе всякого. Зарислава успокоилась.

- А ты что же думаешь, просто так я позвала тебя за стол со всеми пировать? Это он пожелал, Марибор. Хочет лучше тебя узнать. А ты коли не глупая, идём со мной, покажешься. Гляди, какую вещь подарил мне Данияр, - Радмила вздёрнула руку, обнажая запястье, открывая взгляду Зариславы широкое бронзовое обручье самой тонкой чеканки. - И тебе такие подарки Марибор будет дарить, коли ответишь ему.

Одно у неё такое было обручье, Ветрии-матушке его показывала, да видно новое подарил.

- Ну, довольно болтать, - вмешалась княгиня. - Пусть сама думает головой.

Ведогора прошла к двери, поманив за собой Радмилу, а та в свою очередь - Зариславу.

- Идём, и ничего не бойся, - утешила она.

Они вошли в душную, пропитанную терпкими мужскими запахами горницу. Сердце Зариславы так и заколотилось, в ушах зазвенело, и она не слышала гудящего шума, разливающегося от голосов мужчин. Травница только и старалась не думать ни о том, что сказала Радмила, решив забыть этот неприятный разговор, ни о Мариборе, который уже сидел за длинным столом в окружении побратимов, толковал о чём-то.

Стоило появиться женщинам, гул стих, оседая на пол и стол, и все как один повернули головы в сторону дверей, приветствуя вошедших. Пройдя к другому концу стола, княгиня и Радмила расселись на отведённые им места. Травницу окатило знакомой холодной волной, она явственно почувствовала пристальный взгляд Марибора на себе, но даже не глянула в его сторону - побоялась, что увидит холод или же желание в его глазах, и потому, ровно не замечая воина, опустила на шкуры по левую сторону от княжны.

Пряча подрагивающие руки под столом, Зарислава в пол-уха слушала переговоры мужчин, что позволило девице облегчённо выдохнуть и перевести дух. Света факелов, что горели в держателях на стенах, было достаточно много, чтобы отчётливо разглядеть лица. Теперь мужчины, увлечённые беседой о походах, не замечали тихую травницу, что примостилась подле Радмилы, наверное, подумали, что она одна из помощниц княжны.

- Вон, видишь по правую сторону от Марибора воина? Это воевода Вятшеслав, - шепнула Радмила.

Зарислава подняла глаза на широкогрудого зрелого мужа, который занимал собой сразу два места. Цепкий взгляд и мужественные черты воина обещали для окружающих защиту, а для врага, наверняка, лютую опасность.

- На его счету сотни походов в степь, совершённых при жизни Горислава. А ещё дальние плаванья на север. Вятшеслав заключил мирную с правителем тех земель, от чего и заслужил благосклонность этого народа, ныне они в дружбе. А рядом с Марибором...

Зарислава, избегая взгляда княжича, перевела взор на указанного Радмилой воина.

- Заруба - тысяцкий князя Горислава.

Заруба по слаженности не отличался от Вятшеслава. Так же силен и внушителен, русые кудри спадают на лоб и скулы, а руки, что два пудовых молота, напряжённо сжаты в кулаки. Зарислава не сразу заметила возле брови глубокий шрам, который только придавал жёсткости воину.

- Они из самых верных мужей князя Горислава. Были. Ныне, пока Данияр не может ходить в походы, дружинники выполняют приказы брата Горислава Марибора.

Раздался возглас. Мужчины захохотали и снова стихли. Об остальных воинах Радмила не успела поведать, да видно и не нужно было, о главных мужах княжества Зарислава узнала.

"Но где же князь Данияр и волхв Наволод, старейшина Ведозар?"

Только подумала она об этом, как створка двери отворилась, и в горницу ступили седовласые старцы. Радмила заметно напряглась, расправила плечи, вытянула шею. Княгиня Ведогора не изменилась в лице, так же была холодна к окружению, заботило её лишь одно - судьба дочери.

Князь Данияр возвышался над стариками едва ли не на полголовы. Несмотря на недуг, выглядел он весьма бодро. Тело Данияра был стройным и гибким, как у молодого волка, и ещё больше давало ощущение неудержимой силы. Как и говорила Радмила, Данияр оказался весьма схож с Марибором. Такие же тёмные волосы спадали на лоб, скулы и сильную шею, только имели не холодный отлив, как у Марибора, а напротив - золотистый, тёплый. Тёмные брови, глаза сложного цвета, издали не разобрать, казались то серыми, как сталь, то зелёными, как листья мяты.

Трёхаршинный воин, облачённый в тёмно-зелёный, под цвет глаз, кафтан, обвёл чарующим взглядом гостей, коснулся ладонью широкой груди, преклонил в приветствии тёмную в кудрях голову.

Кровь так и прихлынула к лицу Зариславы. Она заставила себя оторвать от князя взгляд, но снова и снова возвращала его, осознавая, что Данияр всё больше завладевает её вниманием и мыслями. В конце концов, травница сдалась и уж более не отводила взора от волдаровского правителя, рассматривала его во все глаза.

"Не удивительно, что такого красавца не поделили Радмила и Вагнара".

Врала Радмила, что по холодному расчёту хотела она замуж за него - просто влюблена была в князя.

Вместе с волхвами Данияр расслабленной и волевой походкой прошёл к столу, вынуждая Зариславу залюбоваться тем, как плавно он двигается, в то же время, ступая твёрдо и уверенно. Столь изящно он опустился в кресло, которое когда-то принадлежало князю Гориславу.

Старцы опустили по обе стороны от него.

Взгляд Данияра почти ни на ком не задерживался и уходил вглубь, туда, где и пребывали сейчас все его мысли. Вестимо о смерти отца думал он.

Зарислава почувствовала, как неприятно жалось горло. Она сглотнула и внезапно поперхнулась. Попыталась сдвинуть кашель и острый порыв прочистить саднящее горло, но закашлялась в кулак, привлекая внимания Марибора и остальных воинов. Травница тут же отвела взор, казалось, покраснелась, как малина, но кашель продолжал душить её, что на глаза выступили слёзы. Отчаянно подумала, сколь нелепо она выглядит в этот самый миг.

Но тут подоспели слуги, спасая столь глупое её положение. Суэта закрутилась вокруг, заставляя позабыть о казусе. Одно за другим челядь выносила в горницу яства: запечённых гусей в яблоках, жареных лещей и щуку, копчёное мясо, енды[1] с сурьей и мёдом, крынки с квасом, нарезанные овощи. Воздух наполнился разными запахами от пряных до кисло-солёных. Пришли и кудесы, рассевшись поодаль на лавке, заиграли на струнах гуслей, полилась чудная музыка.

Обхватив покрытую холодной испариной чару с питьём, поставленную перед ней челядь, Зарислава успокоилась. Поднеся чару к губам, отпила сладко-кислую сурью. Когда отпивала, робко глядела поверх чары на собравшихся. Пребран о чём-то заговорил с Данияром, и взгляд князя ожил было, а лицо перестало быть каменным, и теперь красивые губы его трогала едва заметная улыбка, но, как только Пребран умолк, взор Данияра вновь увяз в чёрной топи отчуждённости. От этого Зариславе сделалось не по себе.

«Крепко же Вагнара пустила в нём ядовитые корни колдовства, так бесчестно завладев им».

Разговор неожиданно повернул в другое русло, о самом главном - предстоящем венчании. Радмила тут же потупила взгляд, опустила смущённо ресницы. Право, Зарислава ещё не знала её такой. Хотя теперь, когда она воочию увидела Данияра, поняла княжну. Он же бросал на свою невесту короткие, отрешённые и равнодушные взгляды, не нёсшие в себе и толики тепла.

Музыка полилась громче, а голоса стали выше и грубее, наполняя горницу весёлым шумом и смехом, воины всё сильнее раскрепощались от выпитых братин, а разговор о свадьбе становился всё откровеннее - стёрлись грани отчуждения. И только Наволод и старейшины оставались спокойными к всеобщему праздному пиру. Неспешно трапезничали, изредка обводя сосредоточенными взорами гостей, и часто Зарислава ловила на себе исследующий взгляд волхва.

Так всё и продолжалось, пока внезапно за спиной Данияра не возник рыжеусый отрок, лицо его чем-то взволнованно было, он протиснулся к князю, склонился и что-то шепнул ему на ухо. Глаза Данияра не то, что оживились, а заискрились. Он повернул голову в сторону двери в то время, когда на порог ступила девичья фигура. Шум в мужской стороне стола разом стих.

Зарислава вся вытянулась, холодный лёд скользнул меж лопаток к пояснице. На пороге стояла не кто иная как Вагнара, дочка Сарьярского князя. И только Пребран, сидевший спиной к двери, воспрянул с лавки, ровно не замечая присутствия Вагнаны, громыхнул:

- Выпьем братину за союз двух твердынь, что вскоре объединятся!

Грохнулся медный усыпанный драгоценными камнями кубок об пол, разлилось у ног девицы питьё, обдав подол её платья брызгами, которые тот же миг расплзлись тёмными пятнами.

Вагнара сжала губы, пронизывающе сверкнули её глаза, что розгой хлестнули. Она резко развернулась, от чего взметнулись нижние юбки, а русая коса тяжело откинулась за плечо, и побежала обратно за дверь.

Сколько прошло времени с того мига, как Вагнара покинула горницу, Зарислава не смогла осознать, но казалось, целая вечность. И не сразу поняла, что погружена в гудящую тишину, и что гусли давно смолкли, как и исчезла вся челядь, наблюдая из углов за происходящим.

Данияр обернулся на притихших гостей, бросив на Радмилу такой яростный взгляд, что даже Зарислава онемела. Настолько он оказался разительным, насколько грохот грома в летний день. Князь воспрянул с кресла и, не сказав ни слова, вышел из-за стола, покинул горницу, оставляя гостей в глубоком недоумении.

- Данияр! - окликнул его запоздало Марибор.

Дверь горницы грянула с такой силой, что дрогнули стены и пол.

Зарислава поставила чару на стол, поглядела на Радмилу, та сидела неподвижно, и только мелко подрагивающие пальцы на руках сжались в кулаки.

[1]

Ендова́ (также яндова́) - низкая большая медная, луженая братина с рыльцем, используемая для хранения и употребления пива, браги, меда.

Глава 7. Обещание

Глава 7. Обещание

Внутри бушевала ярость, да такая, что разум мутнел. Когда подобное случалось, Данияр боялся самого себя, боялся, что причинит кому-нибудь вред. В такое время ему нужно было быть одному. Вот и сейчас думал, что поступает скверно, покинув горницу, опозорив невесту, который раз... Всё это отчётливо осознавал, но ничего не мог с собой поделать. Гнев, что рождался в нём, вынуждал делать то, чего он не хотел, и будь у него холодный рассудок, никогда бы не сделал. Презрение к самому себе вывернуло наизнанку, заставило почувствовать себя ничтожеством. Должно быть, теперь так же возненавидела его Радмила, оставшаяся одна там, за дверью...

- Где же твоя честь и совесть?! - слова Марибора догнали Данияра, хлестнули по спине, вызывая новый всплеск ярости.

Князь остановился. Будь у него меч, то непременно пустил бы его в ход, отсёк бы голову тому, кто посмел его задержать. Он обернулся. Марибор шёл не один, а вместе с Наволодом.

- Ступай, Млад. Проследи за Вагнарой, - сказал Данияр отроку, что выскочил из-за дверей, наверное, для того, что бы сказать, где сейчас Сарьярьская девка. Ему он давно приказал смотреть за ней.

Юнец испуганно глянул на сурового Марибора и волхва, кивнул и тут же исчез за дверью.

- Чего тебе нужно? - повернулся князь, обращаясь к брату отца.

- Что бы ты вернулся и извинился, - ответил тот слишком спокойно, и это ещё больше взбесило.

- Я не о том спрашиваю. Что тебе вообще нужно от меня? - Данияр дышал тяжело и шумно, он сжал подрагивающие пальцы в кулаки, пытаясь сдержать бушевавший внутри него гнев.

Марибор приблизился, пристально и цепко заглянул прямо в глаза князя.

- Знают Боги, мне от тебя ничего не нужно. Нужно твоему народу, землям. Зачем ты разжигаешь ссору сейчас, когда мы и так слабы? Коли назвался и позвал Радмилу в жёны, будь добр, исполни свой долг.

Данияр сжал челюсти, заскрежетал зубами. Но Марибор не позволил сказать, придвинулся ещё ближе и прошипел:

- Если бы князь Горислав был жив, то он выгородил бы тебя, но теперь его нет, и ты ответственен за судьбу Волдаровского княжества. А если не можешь держать слово, то правителем ты не достоин быть.

- И кто же достоин? Ты?

Народ не потерпит, чтобы на правление взошёл вымесок чужеземки. Как бы ни хотелось это высказать, об этом Данияр умолчал. Но Марибор понял его мысль правильно.

Глаза его быстро забегали.

- Я бы отрезал тебе язык, скормил бы псам, - прошипел он.

- Довольно! - вмешался Наволод, вставая между ними. - Сцепились, как мальчишки.

Марибор отступил первым. Это в его нраве - отступать, прятаться. Выходить сухим из воды, быть в стороне.

- Марибор, дай мне переговорить с ним, - велел волхв.

Лицо того исказило отвращение.

- Нянчитесь, что бабы с малюткой, - фыркнул он. - Я в такую даль ездил за невестой, чтобы этот щенок плевал в мою сторону?! Видят Боги, я бы с ним по-другому поговорил...

Наволод повернул к нему голову, и тот, увидев взгляд волхва, сжал челюсти, выругался и пошёл прочь. Волхв снова обратил взор на князя. Серые глаза старца потемнели, блеснули синим, стали хмурыми, как пасмурное небо во время ливня.

- Пошли со мной, здесь нас могут услышать.

Данияр желал поскорее отыскать Вагнару и успокоить, утешить, обнять, лишь бы только не расстраивалась она. Лишь бы не разочаровалась в нём, не ушла. Но Наволод настойчиво увлёк за собой.

Прошли через множество переходов, нырнули под козырёк лестницы, которая вела на крепостную стену. Неспешно зашагали вдоль тына. Вечернее марево опускалось на окружающий со всех сторон лес, который темнел и становился сизым. Ветерок, настигнув путников, заворошил морозные космы старика, откинул со лба Данияра тёмные волнистые пряди.

- Гляди, - кивнул Наволод в сторону темнеющих лесных далей, отвлекая от тяжёлых мыслей. - Какой простор, как богата земля наша. Она говорит с нами, а через неё и наши предки. Они оставили нам великую честь жить на этой земле, в своём Роде. У нас огромная сила, и мы строим жизнь своим детям и потомкам, чтобы те жили с честью и достоинством на этой самой земле. Мы дети Даждьбоговы[1], и в нас течёт кровь Богов. И должны мы видеть мудрость в том великую.

Шагая рядом с Наволодом, Данияр чувствовал, как утихает гнев. Слова волхва, будто потоки воды, хлынули и погасили неугасимое пекло, что день ото дня жгло его душу.

- Вагнара бесчестно поступает. Она должна уйти. Верно, лишает тебя разума, - сказала старец, будто узрел то, о чём помышляет Данияр.

- В чём же её бесчестие? - спросил тот, приостанавливаясь.

- В том, что она, зная, что ты позвал в жёны Радмилу, пытается тебя отговорить. Она разлучила тебя с твоей невестой, которую ты выбрал по зову сердца и собственному желанию, да видно забыл о том. Отошли сарьярьскую княженку от города. Вот увидишь, как прояснится всё.

- Перестань так говорить, Наволод. Она ни в чём не виновата. Ни в чём! Это я виноват,

- Данияр глядел на волхва, пытаясь понять, за что тот терзает его и так покалеченную душу, без того ему есть о чём переживать.

Наволод только сощурил глаза, ветер откинул лёгкую прядь ему на лицо, и тут же всё стихло, воздух застыл. Старец долго смотрел на юношу, испытывая терпение, а затем сказал:

- Когда Вагнара окажется далеко от тебя, ты поймёшь всё. А покуда она рядом, то тебе мои слова ни о чём не скажут, а только разозлят.

Прошло уже два дня, как душа отца поднялась в Ирий[2], но Данияру казалось, что он всё ещё рядом, где-то в крепости. Отчаянно хотелось поговорить с ним. Горислав непременно поддержал бы его решение взять Вагнару в жёны. Помог бы распутать этот клубок недоли, что смотала для него одна из дочерей Богини Судеб. Волхву не понять его чувства, и делиться с ним Данияр не собирался. Ныне никто не мог понять его. Ещё этот Марибор... встревает.

- Отец доверял тебе и просил твоего совета в трудном решении, - начал Данияр, намереваясь сказать главное, выдержал молчание, а потом произнёс: - Хочу взять в жёны Вагнару. Сегодня я это понял окончательно. Хотя вы все не жалуете её, но люблю я Сарьярьскую княженку, как ты её называешь. И это окончательное моё решение. Если тебе не по сердцу оно, я не стану тебя держать, Наволод. Ты можешь идти.

Данияр отвернулся, зашагал к краю стены, скрестив руки на груди так, как это делал Горислав. Некоторое время князь слушал тишину, и можно было подумать, что волхв оставил его, но тот стоял позади, не двинувшись с места.

- Нет, оставить я тебя не могу, - отозвался волхв. - Я обещал князю Гориславу быть с тобой, помогать во всём.

Повисло молчание. Данияр не собирался заговаривать первым, и волхв продолжил:

- Хорошо. Воля твоя, - смирился Наволод. - Если ты жаждешь этого, пусть будет так. Да только знай, какие беды придут за этим решением. Это всё одно грести против ветра, коли вот-вот достигнешь берега. Сейчас все они ждут тебя там. Несмотря на то, что ты оскорбил своим поведением Радмилу, она ждёт тебя.

- Разве моя в том вина? - резко повернул голову Данияр, глядя через плечо, пронзая волхва жёстким взглядом. - Вы уговорили меня позвать Радмилу, чтобы просить прощения, давили. И я послушал. А теперь что ты мне говоришь, Наволод?

- Я не обвиняю, - спокойно отозвался волхв, - а прошу поступить разумно. Не мне нужны земли и крепости, а тебе, твоему княжеству. Доловск - большой город, величественный. Сарьярь уступает в том, однако тоже полезен. Они оба охраняют нас от степняков. Но князь сарьярский не очень жалуется свою дочь, будет ли прок от такого союза? Или же только беда? Подумай. И давал я советы исходя из этого. И верно ты должен понимать.

Данияр отвёл взгляд, смотря на малиновый диск, истлевающий на окоёме. Как ни тяжело признать, но волхв говорит правду. С его прихотью отказаться от Радмилы и обручиться с Вагнарой никто не станет считаться. В душу не станут заглядывать.

«Боги, как же тяжело».

- Велишь отпустить Доловских гостей? - нарушил тишину Наволод.

Данияр сжал зубы, чувствуя себя загнанным в ловушку зверем, беспомощным и жалким. Взгляд князя безнадежно опустился с лесных далей во двор. И тут заметил что-то неладное. Кмети забегали, засуетилась челядь, а потом послышался ржание лошади и топот копыт. Гнедая стремглав понеслась к распахнутым воротам, и князь успел заметить взметнувшуюся русую косу всадницы. В груди обожгло нехорошее чувство. Но не успел он и толком понять, что там произошло, следом услышал грохот по деревянному настилу - Млад бежал со всех ног, и на его раскрасневшемся лице Данияр различил страх. И тут полная картина представилась перед ним. Всадницей была Вагнара.

- Данияр Гориславович!! - завопил отрок ещё издали и замолк, столкнувшись с взглядом волхва, слова застряли, и заглатывая воздух, юнец остановился.

- Ничего не говори княжне Радмиле. Если можешь, удержи. Я, как вернусь, объяснюсь с ней, - сказал Данияр и отступил, бросился по переходу.

Наволод не задержал. Позволил уйти, но наверняка сокрушался.

Данияр мгновенно сбежал по лестнице вниз, во двор, прыгнул на спину мерина, которого конюхи вывели в загон, чтобы перековать. Погнал сивого вслед за всадницей через пыльную дорогу, минуя крепостные ворота. Вылетел на поросший полынью берег. Отчаянно завертел головой, соображая в какую сторону могла направиться Вагнара, желая лишь нагнать и вернуть её поскорее. Желал признаться, что любит только её... В груди щемило, жгло и болело, а на лбу проступил холодный пот, взмокли ладони, и грива коня выскальзывала у него из рук.

Посад к сумраку стихал, оттого казалось безлюдно кругом, слышен был только топот копыт о землю. Вскоре завиднелась в мутном тумане скачущая впереди лошадь. Вагнара гнала её вдоль берега, уходила всё дальше от крепости, приближалась к высившемуся впереди тёмному лесу. Если она успеет скрыться там, то уж точно не найдётся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.